ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРИМИНАЛА

БАНДИТЫ СЕМИДЕСЯТЫХ 1970–1979

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

ЭКСМО

Федор Ибатович Раззаков
Бандиты семидесятых. 1970-1979

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170723
Бандиты семидесятых. 1970-1979: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27142-9

Аннотация

Преступления совершаются при любом социальном строе. При социализме их тоже было предостаточно, в том числе в самом спокойном десятилетии жизни нашей страны – семидесятых годах двадцатого века. Это и ростовский маньяк Чикатило, и банда «фантомасов», и захватчики самолета отец и сын Бразинскасы, и грабители банка Галачяны, и кровавые братья Самойленко, и душегуб Сиетниекс, зарубивший всю свою семью. Но по сравнению со временем нынешним это были единичные случаи. Потому и важно знать о подробностях преступлений тех лет, чтобы увидеть зачатки современной организованной преступности, которая проникла сейчас во все слои нашего общества…

Содержание

1970 4
Застой как благо 4
Пьянь беспробудная 11
Кровь буржуазных предпринимателей 15
Жадность подвела 32
Маньяк из Луганска 33
Смелый дружинник 44
Под давлением призрака 46
Зэки-бунтари 48
Мошенник-антиквар 53
Бандиты из Даугавпилса 55
В поисках маньяка 63
Схватка в Сокольниках 68
Бандиты Ашхабада 72
Душегубы Бразинскасы 75
«Перехват» по-советски 84
Конец Луганского маньяка 86
Удар по «каталам» 91
Мошенники от лотереи 101
Коммунальная трагедия 103
Зачинатели советского рэкета 107
Конец ознакомительного фрагмента. 118

1970

Застой как благо

В **1970 году** в Советском Союзе отмечалась знаменательная дата – 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Власть придавала этому событию поистине эпохальное значение, поскольку собиралась посредством его показать всему миру, каких успехов в разных областях жизни достигло первое в мире государство рабочих и крестьян. Успехи эти и в самом деле были значительными. Ведь с того момента, как закончилась Великая Отечественная война, которая унесла жизни около 30 миллионов советских людей и разрушила более половины промышленности страны, прошло всего 25 лет (мизер по большому счету). Но этого времени вполне хватило, чтобы восполнить практически весь урон, который нанесла война.

Промышленность была восстановлена заново, и даже объем производства вырос вдвое, людской ресурс восполнен (советские женщины рожали почти по миллиону детей в год). Страна жила полноценной жизнью: не голодала, ни с кем не воевала, а только строилась и развивалась. Достаточно сказать, что к **1970 году** ежегодное потребление продуктов питания на душу населения в СССР составляло: по мясу

– 48 кг, по рыбе – 15,4 кг, по овощам и бахчевым – 82 кг, по фруктам и ягодам – 35 кг, по яйцам – 35 кг, по растительному маслу – 6,8 кг, по сахару – 38,8 кг.

Значительные изменения происходили и в других областях, например в сфере быта. Так, всего лишь десять лет назад из 100 советских семей только 8 имели телевизоры, 4 – холодильники, 4 – стиральные машины. К юбилею вождя мирового пролетариата эти показатели увеличились многократно: теперь телевизоры стояли в 35 советских семьях из 100, холодильники – в 20, а стиральные машины – в 15 (еще через десять лет, к 110-й годовщине со дня рождения Ленина, эти показатели увеличатся еще больше: телевизоры будут уже в 91 семье из 100, холодильники – в 89, стиральные машины – в 70). Все эти показатели ясно указывали на эффективность советской промышленности и доступность ее продукции – цены на перечисленные товары были вполне божескими, то есть доступными. Вот как это выглядело на практике.

Средняя зарплата по стране в том году равнялась 110 рублям. Если брать нормальную семью из трех человек, где двое взрослых работали, то их зарплата равнялась примерно 220 рублям. А теперь посмотрим на тогдашние цены. Начнем с продуктов. Батон белого хлеба стоил от 13 до 16 копеек (черный стоил дешевле), килограмм колбасы «Докторская» – 2 рубля 20 копеек, большая плитка шоколада – 1 рубль 20 копеек, плавленый сырок «Дружба» – 14 копеек, килька в то-

мате – 50 копеек, килограмм конфет «Трюфели» – 7 рублей 50 копеек.

Цены на промышленные товары выглядели следующим образом. Самый дешевый телевизор стоил 354 рубля (новинка 1970 года телевизор «Рекорд-102» с 40-сантиметровым по диагонали экраном оценивался в 550 рублей), электробритва «Харьков» – 22 рубля, радиоприемник «Альпинист» – 27 рублей 94 копейки, велосипед «Школьник» – 29 рублей 80 копеек, часы женские «Заря» – 32 рубля, часы мужские «Полет» – 46 рублей, туристическая палатка – 37 рублей 50 копеек, велосипед «Орленок» – 45 рублей 70 копеек, женский велосипед – 55 рублей, фотоаппарат «ФЭД-3-Л» – 47 рублей, плащ женский из материала «болонья» – 50 рублей, мужской – 55 рублей, радиола «Рекорд-68-2» – 72 рубля, ковер – 84 рубля, стиральная машина – 85 рублей, радиоприемник «ВЭФ-12» – 93 рубля, магнитола «Фиалка-2» – 158 рублей, магнитофон «Комета-206» – 180 рублей, магнитофон «Орбита-2» – 210 рублей, кинокамера «Кварц-5» – 265 рублей, автомобили: «Запорожец» – 3500 рублей, «Москвич-412» – 4936 рублей.

Еще одним важным достижением СССР была его преступность, вернее, ее уровень. Несмотря на то что «искоренить ее на корню», как мечталось, не только большевикам в начале 20-х, но и Хрущеву в конце 50-х так и не удалось, однако обуздать очень даже получилось. В то время как те же США еще в конце 50-х стали «миллионерами» – то есть чис-

ло зарегистрированных преступлений там достигло миллиона, в СССР счет шел на сотни тысяч. Например, в **1958 году** у нас было зарегистрировано 880 322 преступления, а уже в следующем году, когда партия объявила беспощадную войну преступникам, преступность снизилась до 614 552 случаев. И эти показатели держались два года. С **1961 года** начался рост преступности, однако «миллионерами» мы стали только в юбилейном **1970 году** – тогда было зарегистрировано 1 046 336 преступлений.

Однако, даже несмотря на это, в сравнении с западной преступностью советская продолжала выглядеть на уровне младенца с игрушечным пистолетиком в руках. В СССР практически не было ни организованных преступных банд, деливших города на зоны влияния, ни наркокартелей, ни разветвленных сетей публичных домов, ни сутенеров, ни киллеров, ни многочисленных серийных убийц, ни террористов – короче, того, что мы с лихвой имеем сегодня в капиталистической России.

Несмотря на то что СССР считался мировой сверхдержавой с населением почти 270 миллионов человек (на начало 70-х), преступность в нем долгие годы сохранялась такая, что это позволяло причислять страну победившего социализма к числу самых безопасных стран мира. Поэтому если в других областях деятельности мы шагали впереди планеты всей (в космонавтике, спорте, искусстве и т. д.), то в темпах преступности значительно отставали от развитых стран.

Но это было благое отставание, которое мы, советские люди, увы, не ценили. Это был тот счастливый застой без кавычек, который позволял нам безбоязненно ходить вечерами по улицам и оставлять двери своих квартир (кстати, деревянных, а не металлических, как сегодня) открытыми (при этом домофонов в подъездах тогда не было).

Конечно, преступность в СССР была, и с каждым годом по мере повышения благосостояния в стране тоже росла. Однако этот рост в сравнении с ростом преступности на «цивилизованном» Западе напоминал собой черепашью ходьбу. Ведь господа капиталисты еще в 60-х столкнулись с такой рекордной преступностью, которая не снилась им даже в кошмарном сне. Запад буквально захлебывался в крови, терзаемый серийными убийцами, террористами и гангстерами, в то время как граждане СССР страдали в основном от карточных шулеров да торговых махинаторов. А если и появлялся у нас какой-нибудь маньяк вроде «Мосгаза», так это было только раз (!) в пятилетие, причем ловили таких преступников всем миром и в течение двух-трех месяцев (чуть позже ситуация начнет меняться в худшую сторону, но об этом речь еще впереди). На Западе все было иначе.

Взять, к примеру, США, где с конца 60-х преступность стала побивать все мыслимые и немыслимые рекорды. В **1968 году** только от огнестрельного оружия там погибло более 1000 человек, а всего в тот год в Америке было совершено 4,5 миллиона преступлений. В Советском Союзе цифры

были значительно ниже: в том году у нас было зарегистрировано 941 078 преступлений, а счет погибших от огнестрельного оружия шел не на тысячи, а всего лишь на десятки (!) человек (огнестрельное оружие у нас находилось под строгим контролем государства).

В **1969 году** в США было совершено 15 950 убийств, краж на сумму 62 миллиона долларов, 871 000 похищений автомашин. Число разбойных нападений возросло на 13 % по сравнению с предыдущим годом и на 160 % по сравнению с **1960 годом**. Еще в **1965 году** комиссия по расследованию при ФБР в своем отчете так комментировала угрожающую ситуацию с преступностью в стране: «Анализируя данные по преступности, видишь ее чудовищные размеры и ее влияние на все сферы американской жизни… В городах США есть районы, где половина жителей из-за боязни быть ограбленными не отваживаются покидать свои дома по вечерам, треть жителей избегает вступать в разговоры с незнакомыми людьми, пятая часть так деморализована, что мечтает переменить место жительства. Все больше граждан в целях самозащиты обзаводится огнестрельным оружием. Сторожевые псы вошли в моду, как во времена феодалов…»

В заключении этого документа констатировалось следующее: «К сожалению, надо признать, что статистика говорит о неуклонном росте преступлений; к тому же статистика эта далеко не полная. Резко возросло число тяжких преступлений, о которых жертвы не сообщают в полицию. Статисти-

ка не учитывает также преступлений, связанных с обманом покупателей и бизнесменов, которые не подо-зревают, что их одурачили. Присвоение чужого имущества, искусственное взвинчивание цен, укрывательство имущества от обложения налогом, активная и пассивная взятка – все эти правонарушения могли бы значительно увеличить число уголовных преступлений».

А вот как в конце 60-х обстояли дела с преступностью в другой капиталистической стране – ФРГ. Сошлюсь на мнение журнала «Шпигель», который в **ноябре 1967 года** писал следующее: «Пятнадцатитысячную армию служащих уголовной полиции Западной Германии буквально захлестнули волны преступности: в последнее десятилетие число уголовных преступлений в Федеративной Республике Германия растет втрое быстрее, чем численность населения. В **1966 году** число уголовно наказуемых преступлений составило почти два миллиона… рекордная цифра за всю историю страны! В течение суток в ФРГ в среднем совершается или делается попытка пяти умышленных и непредумышленных убийств, 17 изнасилований, похищений 170 автомашин, каждый час 130 краж и взломов».

Пьянь беспробудная

Между тем в почти 260-миллионной советской стране, в которую входило 15 союзных республик, имелись серьезные проблемы, причем не менее существенные, чем ее достижения. И одним из главных бичей советского строя было пьянство. Причем его показатели выглядели неравномерно: например, в центре страны люди употребляли алкоголь больше, чем, скажем, на окраинах – в Узбекистане или Армении (в Ереване не было ни одного вытрезвителя). Водка же везде стоила одинаково – 3 рубля 62 копейки за бутылку 0,5 л.

Власть, конечно, боролась с пьянством посредством разного рода запретительных и пропагандистских мер. Например, почти каждое пятилетие в свет выходили постановления ЦК КПСС, где объявлялась очередная борьба с «зеленым змием», и в жизнь вводились разного рода драконовские законы, начиная от увеличения размера штрафа за пьянство и заканчивая общественным порицанием пьяниц, которых прорабатывали на собраниях, лишали денежных премий, вывешивали их портреты на специальные стенды, которые размещались на улицах городов (вспомним хотя бы популярный фильм «Афоня» **1975 года**).

Кроме запретительных мер, действовали и профилактические, например каждый год в стране открывалось несколько наркологических клиник и профилакториев. Однако все

эти меры так и не смогли кардинально решить проблему. Получалось, что чем лучше становилось жить в СССР, тем сильнее люди употребляли алкоголь. А это, в свою очередь, влияло и на состояние преступности в стране: почти половина преступлений в Советском Союзе относились к разряду «бытовухи» (преступления на бытовой почве) и совершались не без влияния алкоголя, то есть «по пьяни». Причем средства массовой информации этого факта совершенно не скрывали, чего упорно не хотят замечать критики советского строя, утверждая, что цензура душила любую негативную информацию. Ничего подобного: пресса как раз часто поднимала эту проблему, пытаясь тем самым вразумить людей и наставить их на правильный путь.

Например, в самом начале того юбилейного **1970 года** в большинстве советских газет было опубликовано несколько материалов на тему пьянства и его пагубного влияния на людей. Были среди них и материалы о криминальных инцидентах «по пьяни». Вот лишь один из подобных случаев, описанных в одной из самых массовых и читабельных газет страны «Комсомольская правда». Речь там шла о случае, который произошел в городе Ленинск-Кузнецком, где две пьяные женщины жестоко избили 10-летнюю девочку. Дело было так.

Две закадычные подруги (одной стукнуло 26 лет, другой – 31) по случаю свалившегося на их головы воскресенья (**15 февраля**) отметили это дело хорошей выпивкой. Затем, по-

сидев дома, пошли проветриться. Погода в тот день стояла хорошая – несмотря на конец зимы, на улице было не слякотно и не шибко холодно. По этому случаю во многих дворах города детвора устроила массовые катания с ледяных гор. И вот мимо одной из таких детских компаний угораздило пройти пьяным подругам.

Шли они себе, шатаясь и громко распевая какую-то застольную песню, как вдруг услышали чей-то громкий разговор. Одна из девочек, катавшихся с горки, – это была Надя, которой, по злой иронии судьбы, в тот день исполнилось 10 лет, – сказала своей двоюродной сестренке Тане: «Смотри, какие песни пьяные тетеньки поют». Вроде бы невинная фраза, да еще в устах ребенка. Так нет – кому-то из подруг она страшно не понравилась. «А вы что, нас поили?» – повернулась она к девочкам. Тем бы в ответ развернуться да и убежать от греха подальше, но они этого не сделали, что тоже объяснимо: во-первых, у себя во дворе находятся, во-вторых, видимо, посчитали, что женщины, пускай и пьяные, на какую-нибудь подлость не способны. Ошиблись.

Едва Надя попыталась что-то ответить, женщины как будто с цепи сорвались. Бросились на девчонок с явным намерением их поколотить. Сестренки – врассыпную. Тане повезло, и она успела заскочить в подъезд дома, где жила, а вот Наде – нет: ее преследовательница вскоре догнала и, повалив навзничь, стала бить головой о землю. Причем била так, как будто 10-летняя девочка была ее самым лютым и кровным

врагом. Вскоре к ней присоединилась и вторая женщина. И кто знает, к каким последствиям привело бы это избиение, если бы на улицу не выскочил отец Нади, которого вызвала из дому успевшая убежать от погони Таня. Он раскидал женщин в разные стороны и склонился над дочерью. Та была без сознания. Вызвали «Скорую», врач которой констатировал у девочки сотрясение мозга и немедленно отправил в больницу.

Побои, которые женщины нанесли девочке, были настолько серьезными, что той пришлось пробыть на больничной койке около месяца. Спрашивается: за что? Да, собственно, ни за что: просто двум пьяным женщинам захотелось покуражиться. Их потом судили, правда наказание назначили минимальное: одной дали 1,5 года исправительных работ, другой – год, в полном соответствии с расхожим мнением о том, что советский суд – самый гуманный суд в мире.

Кровь буржуазных предпринимателей

Гуманизм советского строя проявлялся не только в подобных случаях. Пришедший к власти в **1964 году** Леонид Брежнев поставил целью создать в обществе ситуацию стабильности, поскольку после шараханий и метаний его предшественника волюнтариста Никиты Хрущева люди именно этого и хотели. Другое дело, что в своем понимании стабильности Брежнев и его команда в итоге зайдут слишком далеко – настолько станут гуманными, что перестанут «ловить мух», занимаясь откровенным всепрощенчеством. Вместо того чтобы последовательно вести борьбу с преступностью, власти в итоге скатятся к элементарной кампанейщине – то есть регулярную борьбу сведут к кампаниям, которые будут подгадываться к разного рода праздникам и памятным датам. Именно такая кампания, к примеру, была проведена органами КГБ и МВД в Москве в **январе 1970 года** против столичных валютчиков.

Стоит отметить, что в последний раз преступников, занимавшихся валютными махинациями, столичные органы правопорядка основательно трясли… девять лет назад, то есть еще при прежнем руководстве. То дело получилось громким, по-настоящему резонансным (о нем писали чуть ли не все советские газеты, даже был снят документаль-

ный фильм). Его назвали «делом Рокотова» – по фамилии главного фигуранта Яна Рокотова, которого приговорили к смертной казни. После этого власть устами прессы торжественно провозгласила, что с валютчиками в столице покончено раз и навсегда. На самом деле тем хватило всего лишь нескольких лет, чтобы не только восстановить свои поредевшие ряды, но и выпестовать новых рокотовых. В итоге к концу 60-х в той же Москве насчитывалось несколько сот валютных «жуков», которые денно и нощно «ковали железо», что называется, не отходя от кассы. Самое интересное, что КГБ и МВД прекрасно знали по именам и кличкам всех столичных валютчиков, однако ворошить их осиное гнездо не спешили. Почему?

Во-первых, не было приказа свыше (Рокотова и К° тоже арестовали только после вмешательства Хрущева); во-вторых, многие валютчики работали на «контору», поскольку имели тесные связи с иностранцами. Вот почему практически в сердце столицы воротилы валютного фронта чувствовали себя, как у Христа за пазухой. Их роскошной жизни мог позавидовать любой западный нувориш, не говоря уже о простом советском человеке. В 9 утра они завтракали в ресторане «Арбат», после чего ближе к полудню перемещались в ресторан гостиницы «Националь». Там у них происходили деловые встречи с иностранными клиентами, намечались планы на текущую неделю. Заканчивался трудовой день работников валютного фронта в ресторанах «Останкино» или

«Сатурн», где играл очень модный в их среде оркестр под управлением Леонида Геллера. Так продолжалось на протяжении нескольких лет. То есть в столице СССР жировала и нагуливала бока каста захребетников, которая спустя полтора десятилетия займет лидирующее положение в обществе.

Однако в **январе 70-го** в Кремле начались подвижки, вызванные а) приближением ленинского юбилея и б) оголтелой антисоветской кампанией, которая началась в Израиле (ее инициатором была премьер-министр этой страны Голда Меир, которая чутко уловила тенденции, нарастающие в мире после того, как СССР прикрыл «бархатную революцию» в Чехословакии, которая субсидировалась мировым сионизмом). Спросите, при чем здесь советские валютчики? Дело в том, что многие крупные фигуры в этом бизнесе были евреями (Рокотов, кстати, тоже относился к их числу). Поэтому власти и решили нанести удар по этому весьма прибыльному бизнесу.

Операция началась вечером **4 января 1970 года**. В тот день сразу несколько групп сотрудников КГБ провели аресты в центре города. Сначала был «повязан» таксист Генрих К., который со своей девушкой прогуливался возле Большого театра. У него было изъято: золотые кольца, браслеты, монеты, пухлые «котлеты» ассигнаций. Почти одновременно с этим арестом прошел еще один – возле гостиницы «Москва» прямо на рабочем месте – в такси – были задержаны еще один таксист, некто Олег Ж., и его подельник по «валютке»

студент из Танзании Джума К. До этого чекисты в течение нескольких часов сидели у них на «хвосте» и фиксировали все их незаконные операции, которых оказалось более чем достаточно для того, чтобы предъявить обоим серьезные обвинения.

Валютчики были настолько уверены в своей безнаказанности (еще бы: столько лет занимались преступным промыслом), что, практически не таясь, проворачивали свои темные делишки на глазах у чекистов и простых советских граждан. Их деятельность в тот день была весьма насыщенна: они пару раз смотались к ресторану «Урал», где приобрели несколько десятков золотых монет, затем потусовались возле кинотеатра «Ударник» (еще одна тогдашняя валютная точка столицы), затем переместились на Зубовскую площадь. Когда все их незаконные действия были аккуратно зафиксированы на пленку, поступила команда на арест.

Всего в тот день, **4 января**, было арестовано 7 человек: Генрих К., Арон А. и его супруга, Олег Ж., Галина К., ее любовник гражданин Танзании Джума К. и гражданин Индонезии Сумали Б. Практически с первых же дней ареста все семеро признали свою вину и стали давать подробные показания о своей незаконной деятельности, которая продолжалась на протяжении четырех лет. Позднее некоторые подробности этих показаний были озвучены в советской прессе, в частности в «Комсомольской правде». Например, рассказывалось о том, какие «бабки» зарабатывали валютчики

на своих махинациях. Вот лишь один пример. В **1969 году** Джума К. купил Олегу Ж. два 100-граммовых золотых слитка, которые таксист загнал скупщикам за 2600 рублей. Джума на вырученную валюту купил аж 48 шуб, которые Олег тут же продал за 14 тысяч рублей (напомню, что автомобиль «Москвич-412» стоил тогда 4936 рублей).

Не менее широко жил и Генрих К., у которого во время обыска было обнаружено 123 (!) тысячи рублей. Однажды он заработал зараз 3 тысячи рублей и отправился в гостиницу «Россия», где вот уже несколько дней жил его приятель из Баку. Друзья сначала выпили за встречу, после чего сели перекинуться в картишки, причем играли не на интерес, а на деньги. Генриху в тот день явно не везло, поскольку за несколько часов упорной игры он продул приятелю 4800 рублей. Три «штуки» он отдал тут же, не отходя от игрового стола, а остальные привез час спустя, съездив за ними домой на служебном такси.

Между тем в сети КГБ в те январские дни попало еще несколько валютчиков. Перечислять имена всех арестованных не буду, а назову лишь одно, наверняка хорошо известное читателю, – Юрий Айзеншпис. Да-да, известный позже шоу-продюсер был впервые арестован именно в ходе той «валютной» операции КГБ в 70-м году. Но прежде чем рассказать об этом аресте, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том, чем конкретно занимался Айзеншпис в те годы.

Примерно с середины 60-х годов Юрий втянулся в продю-

серскую деятельность в среде первых отечественных рок-музыкантов и стал устраивать концерты в различных культурных заведениях. Поскольку в то время рок-групп в Москве было не слишком много, люди, которые имели с ними дело, работали сравнительно легко. Однако по мере роста числа самодеятельных рок-групп (а они в конце 60-х как грибы после дождя стали возникать чуть ли не во всех столичных институтах и школах) это движение стало неуправляемым. Все чаще подобного рода тусовки стали заканчиваться либо пьянкой, либо форменным мордобоем. Чтобы как-то упорядочить этот процесс и взять его под контроль, в Моссовете было проведено специальное совещание, где приняли решение: места под проведение концертов могли снимать лишь официальные лица (например, руководство какого-нибудь института, завода и т. д.). Однако ушлые продюсеры рок-групп нашли выход и в этой ситуации: они доставали фирменные бланки различных учреждений, печати, а подписи ставили липовые. Короче, изворачивались, как могли.

Рассказывает Ю. Айзеншпис: «Так, „под официальную организацию“ проводили вечера досуга молодежи. В этом мне помогали знакомые, которые где-то выкрадывали бланки. Но даже в этом случае, учитывая, что вечера иногда заканчивались тем или иным инцидентом, уже неохотно нас принимали. Поэтому надо было делать какие-то инъекции. Иногда деньги были выложены не потому, что этого хотел директор клуба, а потому, что у него по графику положен

просмотр кинофильма, на который никто не шел. А ему, директору, нужен кассовый план. Чтобы снять показ, нужно выкупить минимальное количество билетов. Так начинались первые завязки с директорами дворцов или домов культуры. А потом уже за прямые взятки, потому что это стало принимать масштабы индустрии. Вечера стали делать очень часто, каждую неделю, каждые субботу и воскресенье.

Нами заинтересовались. Помню, в ресторане «Золотой колос» проводился вечер, присутствовали человек четыреста. Этот зал сняли под письмо «почтового ящика» (закрытое учреждение. – *Ф.Р.*). И когда разразился скандал (драка), приехала милиция…»

Еще в конце 60-х, в пору своего продюсерского бизнеса, Айзеншпис стал заниматься и валютными операциями. Это приносило гораздо бóльшие деньги, поэтому Юрий в итоге ушел из музыки и сосредоточился исключительно на «валютке». И за каких-нибудь пару лет стал одним из самых известных столичных валютчиков со всеми вытекающими отсюда прибамбасами. Одежду он покупал исключительно в валютных магазинах «Березка», душился дорогим французским парфюмом, который в советских магазинах днем с огнем было не сыскать. Вечерами устраивал кутежи в самых пафосных советских ресторанах типа «Арагви», «Арбат», «Националь». Тогда же у него появилось личное такси, которое в любое время дня и ночи готово было везти его в любую точку Москвы. Одним словом, Айзеншпис был богат, успе-

шен и абсолютно не сомневался в том, что ведет правильный образ жизни. Хотя для его родителей это, конечно, было серьезное испытание. Они были правоверными коммунистами, прошли войну, и видеть то, что их сын пошел совсем не по их стопам, а превратился в валютного спекулянта, им было не просто обидно, а горько. Особенно сильно переживал отец, который даже на какое-то время прекратил с Юрием отношения. Однако изменить ход событий даже этот поступок так и не смог.

В **1969 году** в Москве открылась контора Внешторгбанка СССР, где продавали золото в слитках. Почти каждый день для Юрия покупалось золото в этой конторе, а также валюта. Этим делом он занимался постоянно, денно и нощно. Фарцовщики скупали ему валюту по всему городу, а до десятка таксистов привозили Юрию свою валютную выручку. Естественно, Айзеншпис прекрасно был осведомлен о том, что вся его деятельность находится на заметке у правоохранительных органов, но был уверен, что его горькая участь минует. То ли был молод и наивен, то ли уверовал, что советская власть уже вконец смирилась с подобным положением дел. Но он ошибся. В православное Рождество **7 января 1970 года** Юрия арестовали. Выглядело это следующим образом.

В тот день Юрий встретил своего приятеля Гиви (впоследствии этот человек устроился на работу в милицию (!), что наверняка не обошлось без взятки), и тот предложил ему ку-

пить три тысячи сертификатов серии «Д» по шесть рублей за штуку. А у Айзеншписа с собой было 15 тысяч рублей, и до нужной суммы не хватало трех тысяч. Юрий предложил поехать к нему домой за недостающими деньгами. Поехали. Возле подъезда Юрий сразу обратил внимание на нескольких мужчин, одетых в одинаковые ондатровые шапки. Он сразу просек: ОБХСС или еще что-то такое. Ему бы после этого свернуть с приятелем куда-нибудь в сторону, ан нет – упрямо пошел в ловушку. Видимо, «серты» жгли ляжку.

На втором этаже, возле дверей в собственную квартиру, Юрий заметил еще двух незнакомых мужчин «в ондатре». Только после этого ситуация, в которой он оказался, стала ему понятна, и он попытался схитрить – стал подниматься по лестнице выше. Но тут сзади раздался недоуменный вопрос одного из незнакомцев: «Молодой человек, вы куда?» – «Как куда, – попытался прикинуться простачком Юрий, – домой». И в это мгновение из-за двери его квартиры раздался голос 12-летней сестры: «Юра, помоги мне, кто-то звонит в дверь, стучит. Я боюсь». После этого косить под дурачка было бессмысленно, и Айзеншпис спустился на площадку. Сестра тут же открыла дверь, после чего товарищи «в ондатре» втолкнули их с Гиви в квартиру и закрыли за собой дверь. Далее послушаем самого Ю. Айзеншписа: «Тут уже сразу грубость пошла. Нас обыскали и зачитали санкцию на проведение обыска и арест. Нужны были понятые. В нашем доме не оказалось лиц, желающих стать понятыми. Минут

через двадцать привели каких-то людей, начался обыск. Как оказалось, у Гиви „сертов“ с собой не было – они были у человека, который проживал в гостинице „Москва“. Мы должны были привезти деньги. И Гиви должен был там получить свои комиссионные. А у меня в кармане было 15 тысяч 585 рублей, как сейчас помню: 15 тысяч сторублевыми купюрами, потом какие-то мелкие. Короче, вытащили эти 15 тысяч. Естественно, они думали, что будет гораздо больше, и все тщательно пересыпали: все эти продукты, крупы…

Когда они начали допрашивать, первым делом поставили на стол портфель. Это был мой портфель. И в нем была валюта – 6750 долларов. Сейчас это – большие деньги, тогда – нет, потому что цена 1 доллара была гораздо меньше.

Этот портфель я отдал накануне своему приятелю Алексею, который хранил весь криминальный товар: валюту, золото, слитки. Выполнял работу курьера и в то же время предоставлял свою квартиру для хранения, поскольку он жил один со своей сестрой. (Родители у него ученые, они друг с другом не жили. Отец жил все время с любовницей, а мать с любовником. И они бросили своих детей на произвол судьбы.)

Как потом выяснилось, на основе каких-то оперативных данных КГБ стало известно, что я занимаюсь валютными операциями, имею его квартиру. Алексея, моего подельника, проводили в милицию. А в это время его малолетняя сестра (ей было лет 12–13) осталась одна, и ее стали допрашивать,

что вообще запрещено законом. Ну и сестра (то ли в ней пионерская честность, то ли еще что-то) заговорила. Или она хотела сделать плохо своему брату? Открыла ящик и говорит: «Вот здесь слитки лежат, а еще монеты лежали». (Там лежали 11 монет царской чеканки 1912 года достоинством десять рублей). Лежали шубы норковые. И всякая всячина.

Показала им коробки с мохеровой шерстью. И портфель. «Там наверняка слитки золотые», – говорит. Но в портфеле золота не было. Потому что оно было продано накануне. Там была валюта. Естественно, они все это изъяли. Ну и, короче говоря, меня вечером арестовывают. Потом везут на Петровку.

Приходит следователь, представляется: майор КГБ. Его стиль допроса был другой, чем у работников милиции. Те отличаются грубостью, напористостью, а этот сразу: «Больше расскажешь – меньше получишь». Я – в отказ. Ничего не понимаю. Меня отправили в Бутырку, в 252-ю четырехместную камеру…»

Айзеншпису выдвинули обвинение сразу по двум статьям: 88-й (нарушение валютных операций) и 154-й (спекуляция в особо крупных размерах). Потом был суд, который приговорил Айзеншписа к 7 годам тюремного заключения. Забегая вперед, сообщу, что первые несколько лет своего срока Юрий отбывал в колонии в Красноярске. Но затем его маме (она была известным врачом) удалось использовать свои связи, и Юрия перевели поближе к Москве – в Тулу.

Там была очень хорошая зона: благоустроенная, с горячей водой.

Когда в **1977 году** Юрий освободился, его заставили прописаться не в родной Москве, а в Александрове. И в столицу он приезжать права не имел. Но однажды Юрий это требование нарушил: отправился на свидание к своей любимой девушке. Но едва достиг пределов Москвы, как его тут же арестовали и снова отдали под суд. Тот не стал церемониться с неисправимым Айзеншписом и приговорил его к новому сроку – к 10 годам заключения. В своем последнем слове Юрий нашел место для иронии, он сказал: «Я – советский человек, учился в советской школе и институте. Но в моих жилах течет кровь буржуазных предпринимателей».

Эта кровь в итоге все-таки окажется востребованной, но произойдет это чуть позже, в конце 80-х, когда в Советском Союзе начнется перестройка с ее рыночными отношениями. Кто в итоге пришел к власти, сегодня уже хорошо известно. Но истоки всего этого были там, в начале 70-х.

Судя по всему, эта же кровь «буржуазных предпринимателей» текла и в жилах другого человека, арест которого тоже пришелся на самое начало **1970 года**. Судьба его – это типичный пример того, как неправильное воспитание создает из человека монстра. Причем воспитание это не имело никакого отношения к советскому, а целиком зиждилось на канонах буржуазного общества, того самого, в котором мы с вами имеем счастье жить сейчас.

Эта история началась **19 февраля** под Ленинградом, когда на одной из дач, принадлежащей молодому человеку по имени Артур Сабонис (имя и фамилия изменены), следователями городской прокуратуры был проведен обыск. Вызван он был следующими причинами. У владельца дачи почти год назад при загадочных обстоятельствах погибли родители (они застрелились из охотничьего ружья) и пропала 11-летняя сестра Оля. Поскольку пропавшую так и не нашли, а гибель родителей списали на самоубийство, никаких претензий к Артуру у правоохранительных органов поначалу не возникло. Но в начале **1970 года** внезапно вскрылись новые обстоятельства, которые и вынудили следствие заинтересоваться личностью Артура.

Повод к сомнениям дала молодая жена Сабониса, которая поведала сыщикам, что после смерти родителей ее муж весьма странно себя ведет: на людях разыгрывает печаль по поводу постигшей его утраты, а дома откровенно издевается над памятью покойных. По словам женщины, ни одного доброго слова об отце и матери она от него не слышала. Более того, она поведала потрясенным следователям, что в день похорон сын снял с лежавшего в гробу отца новый костюм и заменил его на старый. А новый на следующий день отнес в комиссионку.

Дальше – больше. Сняв со сберкнижек родителей большие суммы денег, Артур постоянно говорил, что у отца с матерью должны быть припрятаны еще наличные суммы. Он

чуть ли не весь дом перевернул вверх дном в поисках этих денег, но так ничего и не обнаружил. И это стало очередным поводом к тому, чтобы костерить покойных. А однажды Артур напугал жену, что называется, до смерти. Перебрав со спиртным, он поведал супруге о том, что в смерти его сестренки виноват отец: дескать, это он задушил девочку, а тело закопал на даче в погребе. Когда на следующий день жена попыталась выяснить уже у трезвого супруга подробности этого жуткого рассказа, тот заявил… что ему это все приснилось.

Но чашу терпения молодой супруги переполнил другой случай. Однажды Артур подпоил жену и стал предлагать ей… отравиться, оставив перед этим предсмертную записку. Он положил в бокал с шампанским большую дозу люминала и заставил супругу испить дьявольское зелье. Но та, несмотря на свое полувменяемое состояние, все-таки сумела исхитриться: сделала всего лишь один глоток, а когда муж помчался вызывать «Скорую», выплюнула отраву в форточку.

Этот случай всерьез напугал женщину, и она решила заявить на мужа в милицию. Стоит отметить, что до этого – в конце **декабря 69-го** – она уже обращалась туда же с просьбой проверить своего суженого на предмет возможной причастности к убийству его родственников, и сыщики вняли ее словам: в очередной раз обыскали дачу Артура. Но никаких компрометирующих улик не обнаружили. Мало шансов было найти что-либо там и в этот раз. Однако в прокурату-

ре нашлись люди, которые не поленились отправить на дачу новую проверку.

На этот раз сыщики подошли к делу куда более тщательно, чем в первом случае. Они перекопали чуть ли не весь погреб и почти на двухметровой глубине все-таки нашли то, что искали, – труп пропавшей девочки. Причем рядом с ним лежали мужские шорты, которые, по показаниям свидетелей, принадлежали не кому иному, как брату покойной Артуру. А в сарае сыщиков ждала еще одна неожиданная находка: личный дневник Артура, в который он выписывал всякие крылатые афоризмы из умных книжек. Сыщики обратили внимание, что среди сотни крылатых выражений не было ни одного доброго, светлого. А были, например, такие: **«Деньги – это то, что есть у других и что нужно добыть мне»**. Или: **«Отсутствие денег у людей – порок. Человек без денег – просто не человек»**, **«Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их»**, **«Мораль – это выдумка человека, а не вывод из его опыта»** и т. д.

Днем **20 февраля 1970 года** Сабониса арестовали, а расследование этого дела перепоручили столичной Главной военной прокуратуре. Оно попало в руки опытного следователя по особо важным делам Сергея Громова. В тот же день Громов выехал в Ленинград, а сутки спустя провел первый допрос арестованного, на котором тот, естественно, свою вину в гибели родственников отрицал. Но опытный следователь чуть ли не каждый день предъявлял ему все более

неоспоримые улики его вины.

Например, Громов огласил ему повторные результаты судебно-медицинской экспертизы, из которых следовало, что отец и мать Артура не покончили с собой, застрелившись из охотничьего ружья, как было написано в первом акте экспертизы, а были убиты. «Вами, Сабонис, – вынес свой вердикт Громов. – На ваших трусах были найдены пятна крови вашего отца, которые попали на вас в момент выстрела. Вы пытались их застирать, но сделали это неумело. Далее. Вы пытались получить в сберкассе деньги, положенные на имя вашей сестры, хотя не имели на них никакого права. Кроме этого, вы начали переговоры по поводу продажи дачи, хотя сестра тоже имеет право на наследство, как и вы. Выходит, вы знали, что сестра мертва?»

Припертый к стене этими и другими уликами, Сабонис в один из дней не выдержал и попытался покончить жизнь самоубийством в одиночной камере тюрьмы. Но охранникам удалось вовремя вытащить его из петли, сделанной из тюфячного чехла, и вызвать врача. После этого случая нервы Сабониса сдали окончательно, и он начал давать признательные показания. Он заявил, что сестру убил после того, как узнал о том, что его после окончания медицинского института ждет распределение в провинцию, чего он сильно не хотел. А пропажа сестры, по его плану, должна была вызвать к нему снисхождение. Так оно и вышло. Что касается родителей, то их Сабонис убил из чисто меркантильных интересов

– хотел завладеть их деньгами и имуществом.

Стоит отметить, что внешне Артур Сабонис производил впечатление вполне добропорядочного молодого человека. То есть знаменитый криминалист Ломброзо с его известной теорией преступных типов в его случае оказался не прав. Однако под привлекательной внешностью скрывался настоящий нелюдь. Истоки этого перерождения тот же Громов нашел в детстве Сабониса. Оказывается, еще в школьные годы родители парня ввели специальную поощрительную методу: получил хорошую отметку – на тебе рубль на мороженое! Та же метода действовала и в отношении домашних обязанностей мальчика: сходил за хлебом – оставшуюся мелочь берешь себе, убрался в квартире – заработал рубль и т. д. Когда сыну исполнилось 10 лет, родители преподнесли ему в подарок пузатую копилку с дарственной надписью: «Дорогому сыночку на счастье». При этом отец Артура лично опустил в нее червонец. Но купить счастье еще никому не удавалось. В итоге на все свои поступки Артур стал смотреть исключительно сквозь призму товарно-денежных отношений. В результате такого воспитания вполне обычный ребенок превратился в монстра. Советский суд воздаст должное душегубу – приговорит его к расстрелу, на который в те годы никакого моратория не существовало.

Жадность подвела

22 марта в «Комсомольской правде», в рубрике «Из зала суда» (аналог современной «Криминальной хроники»), была опубликована любопытная заметка В. Мясникова из Ярославля под выразительным названием «Жадность подвела». В ней рассказывалось о том, как жители деревни Скоморохово Переяславского района Шагин и Нехаенко, работая в поле, случайно наткнулись на клад, в котором находилось 120 золотых монет, золотые кольца, броши и кулоны. Свою находку они решили не сдавать властям и поделили пополам. Однако через несколько дней у одного из кладоискателей сдали нервы. Он отдал свою долю напарнику и попросил сдать их в банк. Тот выполнил просьбу приятеля, но не буквально – отнес в банк только половину врученного.

Тем временем супруга Нехаенко, которой золото, видимо, жгло руки, предложила его распродать. За каждую монету они брали по 40–50 рублей, а иногда и дороже. В итоге за короткое время дельцы заработали на этом деле 2000 рублей. Однако воспользоваться ими так и не успели. Кто-то на них донес. Итог этой истории был таков: народный суд за присвоение найденного золота и спекуляцию приговорил электрика Нехаенко к 3 годам лишения свободы, его супругу к условному наказанию. С них было взыскано 2306 рублей, полученных от незаконной операции с золотом.

Маньяк из Луганска

Согласно официальной статистике, в **1970 году** в Советском Союзе было совершено 203 убийства с изнасилованием. Даже если брать в расчет, что цифра эта занижена, все равно можно смело констатировать, что подобных преступлений в те годы совершалось в сотни раз меньше, чем сегодня, во времена дикого капитализма, когда сексуальные маньяки стали такой же обыденностью, как киллеры и террористы. Причем нынешние маньяки куда кровожаднее и изощреннее, чем их советские предшественники. Объясняется сей факт просто: советская мораль всячески воспевала романтические отношения между мужчиной и женщиной и осуждала половую распущенность. Среди уголовно наказуемых преступлений значились порнография, проституция, педофилия и (о ужас!) гомосексуализм. А сегодня только в одной России официально зарегистрировано 104 эротических СМИ (данные на **январь 2006 года**), причем львиная доля из них под видом эротики предлагает порнографию. Кроме этого, большинство обычных печатных изданий считает обязательным публиковать на своих страницах постеры красивых девушек в неглиже (чаще всего топлес), да и по ТВ эротика демонстрируется регулярно.

Господа демократы в начале реформ уверяли народ, что легализация эротики в России принесет только благо: де-

скать, даже преступления на сексуальной почве пойдут на убыль. Вышло все наоборот. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку история Запада говорила об обратном.

Еще на рубеже XIX века там шли жаркие споры о том, можно ли СМИ и писателям откровенно описывать сексуальные отношения мужчины и женщины. Известный западный исследователь К. Уилсон пишет следующее: «Филдинг, Смоллетт и Стерн писали о половых отношениях без всякого стеснения, так же как Рабле свободно писал о физиологических функциях наших органов. Для названных писателей это были всего-навсего естественные моменты человеческого существования. Таким же литераторам, как Золя, Стриндберг, Г.Дж. Уэллс и Д.Г. Лоуренс, приходилось бороться за право описывать жизнь хотя бы с некоторой долей реализма. Все же необходимо отметить, что защитники „чистоты“ в определенной степени были правы. Сексуальные сцены нельзя ставить вровень, скажем, с изложением кулинарных рецептов, хотя бы потому, что уже простое описание полового акта вызывает у некоторых людей сексуальное возбуждение. „Пуритане“ считали, что если писателям разрешить описывать половые отношения без всяких ограничений, то общество вскоре станет „сексуально озабоченным“, в результате чего возрастут безнравственность и уровень преступности. В этом они были совершенно правы. Эпоха сексуальных преступлений началась одновременно со сражениями против цензуры…»

В лидеры по части сексуальных преступлений уже с начала XX века стала вырываться Америка. А в 20-х годах ее лидерство уже никто не оспаривал. Как пишет все тот же К. Уилсон, «в середине 20-х годов почти во всех развитых странах наблюдался ярко выраженный рост преступности на сексуальной почве, хотя в Америке эта тенденция была выражена более отчетливо, чем в Европе, где еще преобладали старые типы преступлений…».

Что касается СССР, то в 20-х годах, несмотря на то что там существовал НЭП (то есть плановая экономика соседствовала с капиталистической), преступления на сексуальной почве совершались гораздо реже, чем на Западе, поскольку Россия по большей части оставалась патриархальной страной. А в следующем десятилетии, когда Сталин окончательно взял власть в свои руки и создал централизованное государство, число уголовных преступлений (в том числе и на сексуальной почве) сократилось до минимума. Только одно то, что в СССР была искоренена профессиональная проституция, значительно сузило поле деятельности сексуальных извращенцев.

Однако после смерти вождя ситуация пусть медленно, но стала меняться в худшую сторону. Но даже тогда советская преступность (в том числе и на сексуальной почве) заметно отставала от западной. В конце 50-х в Америке началась так называемая «сексуальная революция», которая дала мощный толчок развитию подобного рода преступлений. Начи-

тавшись «Плейбоя» (этот журнал появился на свет в начале секс-революции), десятки молодых людей взялись за ножи и с еще большим рвением, чем их предшественники, начали охотиться на представительниц слабого пола. Как пишет видный американский специалист-криминолог Джоэль Норрис, автор книги «Серийные убийцы»: «С **1960 года** в США не только выросло число отдельных серийных убийц, возросло и число жертв, приходящихся на одного насильника; кроме того, преступления стали более жестокими».

Секс-революция конца 50-х породила множество жестоких серийных маньяков Америки, в том числе и Теда Банди, про которого напишут не один десяток книг и снимут несколько художественных и документальных фильмов. Этот душегуб родился в **1946 году**, и детство его выпало на 50-е. Убивать людей он начнет в следующем десятилетии и в течение нескольких лет отправит на тот свет более 40 человек. На суде Банди честно признается, что́ сделало из него маньяка. Он расскажет, что еще в детстве его интересовали сцены сексуального насилия и что в убийцу на сексуальной почве его превратила порнография.

В СССР порнография была запрещена, что было одной из причин сдерживания роста преступлений на сексуальной почве. Вот почему советская криминальная история по этой части не столь богата, как американская. Первый «серийник» в Советском Союзе появился только в начале 60-х. Это был Владимир Ионесян, который выдавал себя за работни-

ка Мосгаза. Правда, это был не чисто сексуальный маньяк: побудительным мотивом его преступлений был грабеж, а не секс (он изнасиловал всего лишь одну жертву). Ионесяна быстро поймали благодаря слаженным действиям столичной милиции, да и всего общества. После этого в разных частях страны происходили аналогичные случаи, причем опять это были комбинированные маньяки – то есть грабежи они совмещали с сексом. А вот серийных маньяков-насильников среди них почти не было вплоть до конца 60-х. На Западе все было иначе: там в те же годы творили зло десятки самых разнообразных массовых маньяков: и «снайперы» (они находили удовольствие в людных местах расстреливать свои жертвы из огнестрельного оружия), и «мясники» (эти обычно резали людей), и серийные насильники и т. д. Перечисление их всех займет много времени, поэтому ограничусь лишь несколькими примерами.

Волна насилия стала накрывать Америку с лета **1966 года**. Только с **июля** по **ноябрь** были зарегистрированы сразу три массовых убийства, в результате которых погибли 33 человека. В Чикаго 25-летний «мясник» Ричард Спек проник в женское общежитие и зарезал восемь девушек; в Остине, штат Техас, «снайпер» Чарльз Уйатмен сначала хладнокровно убил свою мать и жену, после чего забрался на здание местного университета, в котором он учился (27 этажей), и расстрелял из снайперской винтовки еще несколько десятков человек (15 человек убиты, 33 ранены); в Месе, штат

Аризона, 18-летний «снайпер» Роберт Смит, увидев по ТВ репортаж о «подвигах» Уйатмена, отправился повторять их – он ворвался в здание косметического училища и расстрелял семерых человек (среди них были 28-летняя учительница, ее трехлетняя дочь и трехмесячный сын, а также четыре ученицы).

В **августе 1969 года** всю Америку потрясло новое массовое убийство. Хипповская банда «мясника» Чарльза Мэнсона напала на особняк 23-летней восходящей звезды Голливуда Шэрон Тэйт и зверски убила не только хозяйку, которая на тот момент была беременна, но и всех ее гостей в количестве четырех человек. Когда на следующее утро полиция вошла на территорию особняка, она была в ужасе от увиденного: повсюду валялись обезображенные тела убитых, а стены дома были забрызганы кровью и исписаны кровавыми надписями «Свиньи». Сержант криминальной полиции, побывавший на месте трагедии, позднее заявил: «За всю свою жизнь я не видел более ужасного зрелища. Меня чуть не вывернуло наизнанку».

Мэнсона и его банду арестовали через несколько месяцев, уже в **1970 году**. Одновременно с ними в том же Лос-Анджелесе сдался полиции серийный маньяк строительный рабочий Мэк Эдвардс, который признался в том, что за 17 (!) лет убил несколько десятков детей (его подозревали в смерти 22 человек). Все свои жертвы маньяк обязательно истязал перед смертью, получая от этого наслаждение.

Конечно, и в СССР случались подобного рода преступления. Однако их счет шел на единицы, а некоторые из них и вовсе были настоящей диковинкой. Например, маньяков-«снайперов» в нашей стране быть не могло, поскольку оборот огнестрельного оружия находился под строгим контролем государства. За все 60-е такого рода преступление было совершено только один раз, в **сентябре 1968 года**, да и то потому, что в качестве преступников выступили два солдата-отморозка. Сбежав из воинской части с оружием, они заперлись в одном из домов в Курске, убили семью из пяти человек, после чего открыли огонь из окна по привокзальной площади, убив еще восемь человек.

Сексуальных маньяков в СССР было немногим больше «снайперов». Был среди них и свой Мэк Эдвардс – учитель Анатолий Сливко, который за 21 год своей преступной деятельности (**1965–1985**) убил 17 детей. Этот нелюдь тоже был извращенцем – он получал удовольствие, снимая агонию своих жертв на кинокамеру. Но Сливко был чуть ли не единственным подобным маньяком за всю советскую историю, а в тех же США таких были десятки, причем многим из них удалось избежать ответственности. Например, в самом конце 60-х (**1968–1969**) Америка была в ужасе от серийного убийцы, который взял себе кличку Зодиак. Этот душегуб подстерегал по вечерам влюбленные парочки и хладнокровно расстреливал их из пистолета или резал ножом. Убив таким образом пять человек и двоих тяжело ранив, Зодиак

бесследно исчез (установить его личность так и не удалось).

Сошлюсь на мнение все того же Д. Норриса, который так характеризовал ситуацию с этим видом преступления в США: «Серийный убийца – это болезнь американского общества. Инфекция передается от поколения к поколению в форме насилия над детьми, алкоголизма, наркомании, плохого питания. В последние двадцать лет (**1960–1980**) на долю США, население которых составляет всего 5 % от общего числа людей, живущих на Земле, приходилось 75 % мировых серийных убийц. Из 160 серийных убийц, задержанных или вычисленных силами правопорядка во всем мире, по меньшей мере 120 были обнаружены в США. **Существуют реальные опасения, что по мере распространения американского культурного влияния на менее развитые страны недуг серийного убийства, если его не пресечь, поразит и их…»** (выделено мной. – *Ф.Р.*).

Из перечисленных Норрисом пороков в СССР однозначно присутствовал один – алкоголизм. Все остальные отсутствовали: массового насилия над детьми не было, наркомании тем более, а питание было вполне сносным, даже калорийным. И еще существовала мораль, которая воспитывала подрастающее поколение в духе любви к своему ближнему и обществу, в котором он живет. Однако по мере приобщения советского общества к западным духовным ценностям (особенно интенсивно этот процесс развернется в начале 70-х) началась коррозия советской морали. Отсюда и рост пре-

ступлений, особенно насильственных. Д. Норрис оказался абсолютно прав: активная американизация сначала СССР, а потом и России принесла нам вместе с мини-юбками, рок-н-роллом, «Сникерсами», «Макдоналдсами» и массового серийного убийцу американского типа. Впрочем, об этой разновидности душегубов мы еще поговорим, а пока вернемся в **1970 год**, чтобы познакомиться с одной из разновидностей советского маньяка.

Эта история началась в конце **марта 1970 года** в городе Луганске, что на Украине, – там объявился насильник. В течение нескольких дней поздно вечером он нападал на одиноких женщин, возвращавшихся домой. Действовал преступник по одному и тому же сценарию: приметив жертву на автобусной остановке, он сопровождал ее до малоосвещенного места, где и нападал – душил, угрожал ножом, говорил, что она проиграна в карты и должна либо уплатить пять тысяч рублей, либо вступить с ним в половую связь. У некоторых из жертв он отбирал деньги, ценные вещи.

По показаниям потерпевших, на вид насильнику было около 30–35 лет, он был среднего роста, широкоплеч, лицо продолговатое, смуглое, одет в светлый хлопчатобумажный плащ, белую фуражку и темные брюки. Поскольку показания жертв указывали на то, что все эти изнасилования совершал один и тот же человек, эти дела были объединены в одно, была создана оперативно-следственная группа. В местах возможного появления насильника были выставлены засады,

по маршрутам движения городского транспорта направили сотрудников под прикрытием оперативно-поисковых групп. Однако насильник как будто чувствовал, что за ним началась охота, и ни в одну из этих ловушек не попал. В итоге все попытки милиции напасть на след насильника ни к чему не привели.

А преступления тем временем продолжались. Так, в начале апреля насильник совершил еще три нападения, действуя по прежнему сценарию: угрожал жертве ножом, душил, требовал деньги, говорил, что она проиграна в карты. Все три преступления были совершены в одном районе – Жовтневом.

Между тем **14 апреля** город потрясла страшная весть: насильник пролил первую кровь. Это произошло на Парковой улице, где в недостроенной трансформаторной будке был обнаружен труп 17-летней Тамары М., которая возвращалась из вечернего института, но до дома так и не дошла. Все признаки указывали на то, что девушка сначала была изнасилована, а затем задушена руками. Рядом с трупом сыщики нашли несколько важных улик: кусок вафельного полотенца с пятнами буроватого цвета и два отрезка голубой тесьмы, на которых имелись узлы с петлей. Позднее эксперты установят, что полотенце было использовано как кляп, а тесьма служила вместо веревки, которой преступник связывал жертве руки.

В тот же день в городском УВД прошло совещание, на ко-

тором решался вопрос – как найти и обезвредить преступника, ведь он теперь, после убийства, уже ни перед чем не остановится. Учитывая серьезность преступлений, было принято решение о проведении специальной операции по поимке маньяка бóльшими, чем это было на первоначальном этапе, силами. Теперь ежедневно в розыске преступника участвовали около 500 милиционеров и 400 дружинников. И хотя в этот раз получить быстрый результат не удалось, маньяк на какое-то время затих. Но затишье длилось недолго.

Ночью **16 мая** одна из милицейских засад засекла неподалеку от трамвайной остановки «Квартал Молодежный» подозрительного мужчину. Он подъехал к остановке на машине, вылез из нее и спрятался за дерево. Едва подъехал трамвай и из него вышла женщина, незнакомец незаметно пристроился к ней сзади и засеменил следом. Решено было его задержать. Незнакомцем оказался житель Жовтневого района, водитель автотранспортного предприятия. На первом допросе он категорически открещивался от совершенных преступлений, однако обыск в его квартире дал неожиданные результаты: там были найдены вещи, которые преступник отнял у своих жертв еще в конце марта. После этого запираться было бессмысленно, и водитель признался: да, в конце марта насиловал он. Однако никакого отношения к апрельским преступлениям и к убийству студентки он не имел. Стало ясно, что в городе действует еще один, куда более опасный маньяк.

Смелый дружинник

В Советском Союзе в борьбе с преступностью участвовали не только правоохранительные органы, но и рядовые граждане, которые несли дежурства в добровольных народных дружинах (ДНД). Эти формирования были созданы в ноябре 1958 года, когда в стране развернулась широкомасштабная борьба за искоренение преступности. Энтузиазм властей и населения в этом деле был таков, что тогда даже появился лозунг: «Искореним всю преступность на корню!» Как выяснится позже, этот лозунг окажется утопическим, однако польза от этой кампании все равно была большой: количество преступлений в стране тогда резко сократилось. И немалая заслуга в этом принадлежала именно ДНД, которые к началу 70-х насчитывали в своих рядах более 8 миллионов человек (всего в стране тогда было около 200 тысяч ДНД).

Увы, с годами это движение претерпело существенные трансформации. По мере угасания всеобщего оптимизма в обществе многие люди стали идти в ДНД исключительно ради меркантильных выгод, а не для помощи милиции – то есть ради отгулов, предоставляемых государством за работу в ДНД. И все же большинство членов народных дружин все-таки работали не за страх, а за совесть. Одним из таких людей был и омский дружинник Геннадий Горбунов.

20 мая 1970 года, патрулируя улицы родного города, он

заметил, как несколько человек избивают друг друга руками и ногами. Горбунов по долгу службы обязан был вмешаться (несмотря на массу примеров, когда дружинники попросту «не замечали» подобных происшествий, предпочитая вдвоем-втроем выкручивать руки какому-нибудь с трудом передвигавшему ноги пьянчужке), что он и сделал. Вклинившись в драку, Горбунов стал разнимать дерущихся, причем делал это так активно, что в первые мгновения драчуны опешили, явно не ожидая от дружинника такой прыти. Однако затем один из них опомнился и, выхватив из-под одежды нож, ударил им Горбунова в грудь. Тот упал на землю. Тут уж многочисленные прохожие, которые до этого старались не обращать внимания на драку, бросились к месту происшествия. Преступник попытался было скрыться, но был задержан, а смелому дружиннику вызвали «Скорую». Она пришла вовремя, и уже через несколько минут раненый лежал на операционном столе.

Этот случай имел большой резонанс, причем не только в Омске. В сентябре Горбунова вызвали в Москву, где в торжественной обстановке вручили медаль «За отличную службу по охране общественного порядка» от Президиума Верховного Совета РСФСР. Сделано это было не случайно. Таким образом государство старалось дать понять людям, которые работали в ДНД, что оно готово оценить их самоотверженность по самому высокому разряду.

Под давлением призрака

Уникальный случай был зафиксирован весной **1970 года** в исправительно-трудовой колонии № 1 Управления внутренних дел при Ростовском облисполкоме. Там **20 мая** один из осужденных признался в убийстве, которое он совершил… два года назад. Покаявшимся был 18-летний Евгений Вишняков, сидевший в колонии за куда меньший грех – он ограбил магазин, а чуть позже грабанул на улице прохожего. Но, как оказалось, это были не единственные «подвиги» Вишнякова. По его собственным словам, в начале июля 68-го, будучи в Ленинграде, он познакомился с неким мужчиной, который пригласил его к себе в гости. Поскольку Вишняков тогда бродяжничал, он с радостью принял это предложение. Его не испугало даже то, что пригласивший его мужчина оказался гомосексуалистом. В итоге Вишняков прожил у гостеприимного хозяина пару дней, а когда ему это надоело, решил сбежать, предварительно ограбив. Убивать хозяина парень не хотел, но ситуация вышла из-под контроля: мужик стал звать на помощь, и Вишняков задушил его подушкой.

Администрация ИТК с большим интересом выслушала признание Вишнякова, после чего поинтересовалась: с чего, мол, он решил признаться, если ему до свободы оставалось всего два года отсидки? Неужто совесть замучила? «Да ка-

кая, к черту, совесть? – отрезал Вишняков. – Меня покойник уже достал: каждую ночь ко мне во сне является с подушкой». – «И как долго он к тебе является?» – удивились тюремщики. «Больше года», – честно признался парень. Когда вопрос про мотив задаст раскаявшемуся убийце следователь ленинградской прокуратуры, которому поручат это дело, Вишняков ответит, что, с тех пор как он признался в убийстве, покойник к нему являться перестал. Видимо, за этим он к парню и приходил: чтобы тот покаялся.

Зэки-бунтари

Такое явление, как бунт заключенных, в советских тюрьмах если и имело место, то крайне редко. Достаточно сказать, что в 70-х годах подобных инцидентов было около десятка, в то время как в годы горбачевской перестройки их счет перевалит уже за сотни. Из-за чего же бунтовали зэки в брежневские годы? Вот лишь один из случаев, который произошел в **1970 году**.

Незадолго до празднования 100-летия со дня рождения Ленина по всем тюрьмам и колониям страны прошел слух, что грядет широкая амнистия в связи с этой датой. Слух подтверждали и сами руководители мест заключения, которые объявили в связи с юбилеем социалистическое соревнование за право попасть в число колоний, достойных амнистии. Энтузиазм, который охватил тогда зэков, был огромным, и даже зэки-сторожилы отмечали, что давненько не видели ничего подобного. Однако все старания заключенных вылетели в трубу – никакой широкой амнистии не последовало, поскольку именно в том юбилейном году, как мы помним, преступность в СССР перешагнула миллионную отметку. В итоге власти посчитали, что проявлять излишний гуманизм на этом фоне будет неправильным.

Между тем разочарование многомиллионной армии советских зэков было настолько огромным, что во многих ко-

лониях создалась взрывоопасная ситуация. Достаточно было поднести спичку, чтобы вспыхнул настоящий пожар. И волею судьбы эту спичку зажгли в колониях № 6 и 7 под городом Тольятти.

Еще в середине мая сотрудники ИТК № 7 перехватили записку из соседней колонии № 19, в которой фигурировала фраза «начнем 20–21 мая». Однако то ли тюремщики не придали значения этим словам, то ли просто не поняли, о чем речь, но никаких должных выводов не сделали. В итоге случилось то, что и должно было случиться.

Вечером **21 мая** осужденный ИТК № 6 Чернышов попытался проникнуть в запретную зону, однако был вовремя замечен часовым. На крик «Стой, стрелять буду!» зэк не отреагировал, за что и получил автоматную очередь по ногам. Свидетелями этого расстрела оказались около двухсот зэков, которые бросились на штурм вышки. Сначала ее попытались поджечь, а когда это не удалось, в часового полетели кирпичи. Затем от вышки разъяренная толпа двинулась к промышленной зоне. В находившиеся там здания полетели бутылки с бензином, которые были заготовлены за несколько дней до этих событий (куда только смотрела оперчасть?!). В мгновение ока преодолев высокий забор и несколько рядов «колючки», разъяренная толпа растеклась по территории промзоны. Затем в толпе раздался чей-то клич: «Братва! Айда брать штрафной изолятор!» – и три десятка зэков бросились к ШИЗО, по дороге снеся забор и колючую про-

волоку.

Двери ШИЗО были крепкими, и открыть их голыми руками было невозможно. Поэтому зэки повалили на землю пару-тройку телеграфных столбов и, используя их как таран, за считаные минуты выбили двери. Все сидельцы изолятора (а среди них были и уголовные авторитеты, которые тут же встали во главе восстания) были освобождены. Удача окрылила восставших, и они бросились на штурм ИТК № 7. Причем одна из главных целей этого штурма состояла в том, чтобы освободить из помещения камерного типа еще одного уголовного авторитета – Феоктистова. Эта цель была благополучно выполнена: вооруженная дубинами и металлическими прутьями толпа в полсотни человек быстро управилась с забором, проникла в зону и выпустила на волю главаря, а с ним и еще с десяток других «отрицал». После чего погромы продолжились: зэки грабили магазины, столовые, склады, поджигали промышленные здания.

Тем временем к месту восстания власти срочно перебрасывали дополнительные силы внутренних войск. Уже через несколько часов в небе над колонией замаячил вертолет, а к ее воротам подкатили грузовики, бэтээры и пожарные машины. Последние под прикрытием автоматчиков попытались пробиться к горящим зданиям, но зэки не позволили им этого сделать, забросав камнями. Понимая, что без применения оружия с озверевшими заключенными не совладать, власти колонии, прежде чем открыть огонь, запросили разрешения

у Москвы. Но оттуда ответили: «Стрелять только при попытках к бегству». Тогда начальник ИТК № 6 решил уговорить зэков сдаться, причем отправился к ним один в качестве парламентера. Но эта попытка завершилась плачевно: зэки набросились на него и жестоко избили. Однако даже после этого приказа открывать огонь на поражение отдано не было.

Бунт закончился так же быстро, как и начался. Утром **22 мая** зэки внезапно сложили все свое оружие и построились пятерками за воротами колонии. Их тут же окружили автоматчики. Организаторов беспорядков вывели из строя и отвели в сторону. Диссидент Михаил Зотов, который жил неподалеку от места событий и был невольным свидетелем бунта, описывал происходившее так. Зэкам приказывали раздеться догола, после чего по одному вводили в круг офицеров, и те приступали к экзекуции – избивали бунтаря чем попало. После чего бросали его в «воронок».

В двух восставших колониях за одну ночь сгорело 38 жилых помещений. Естественно, обе колонии временно закрыли, а всех заключенных перебросили в другие места. Около 30 организаторов восстания получили дополнительные сроки. Троих суд приговорил к расстрелу. Однако и положительный результат для зэков этот бунт все-таки имел – через пару-тройку месяцев была-таки объявлена амнистия. И хотя назвать широкомасштабной ее было нельзя (под нее попали только зэки с небольшими сроками отсидки), но пар недовольства из котла она все же выпустила.

Это «ужастик» о тюремной жизни в СССР. А вот уже американский «ужастик», который я приведу со слов К. Уилсона, автора книги «Мир преступлений»: «Когда Том Мертон стал суперинтендантом тюрьмы Такер в Арканзасе в **1967 году**, он вскоре обнаружил, что около двухсот осужденных числятся в бегах. Бывалые заключенные говорили, что на территории тюрьмы захоронено около сотни трупов людей, которые по разным причинам не нравились начальникам».

Мошенник-антиквар

22 июня в газете «Вечерняя Москва» появилась заметка «Из зала суда» о подпольном дельце, промышлявшем скупкой и перепродажей антиквариата. Подобные заметки в те годы пользовались огромной популярностью у читателей, поскольку позволяли обывателям хоть изредка, но взглянуть на изнанку жизни. Это теперь мы, что называется, объелись криминалом, а тогда все было иначе: цензура жестко следила за тем, чтобы СМИ не шибко давили на психику обывателей, перекармливая их криминальной информацией. И в этой политике была своя сермяжная правда: все-таки советское общество не было настолько криминализировано, как сегодня.

В упомянутой заметке речь шла о неком дельце, который ездил в некоторые крупные города Союза (в частности, в Таллин), скупал там по дешевке картины (15–20 рублей), а в Москве сдавал их в комиссионки по 80 рублей и выше. Например, картину западного художника Диаза «Перед грозой» он купил за 45 рублей, ловко выдал ее за шедевр и продал в Казахскую картинную галерею за… 4500 рублей! Здорово прокололись с ним и другие крупные учреждения: так, Тюменский музей купил у него 15 дешевых полотен на весьма внушительную сумму в несколько тысяч рублей. Однако вечно деятельность мошенника продолжаться не могла, и

его в конце концов схватили. Суд приговорил его к 10 годам тюрьмы.

Бандиты из Даугавпилса

Такой вид преступности, как бандитизм, в Советском Союзе существовал со дня его основания. Однако если в первые годы советской власти мирным гражданам буквально житья не было от бандитов, то уже спустя десятилетие, в начале 30-х, с этим видом преступности было практически покончено – бандитизм как явление был искоренен. Правда, в годы войны и после нее эта проблема вновь напомнила о себе (и в 1945 году в МУРе во второй раз был создан Отдел по борьбе с бандитизмом), однако и тогда государство сумело сделать так, чтобы не выпустить вожжи из своих рук – с бандами расправлялись оперативно и без всякого сожаления. Увы, в последующие годы, по мере демократизации советского общества бандитизм вновь стал поднимать голову. Причем его ряды не только заметно молодели, но и пополнялись людьми весьма не бесталанными. Например, знаменитая «банда фантомасов» из Ростова-на-Дону (о ней речь еще пойдет впереди) была создана двумя братьями, которые были своего рода уникумами: один был талантливым изобретателем (он снабжал банду уникальным огнестрельным оружием собственного изготовления), другой – талантливым организатором (благодаря его способностям банда просуществовала более пяти лет).

И все же таких устойчивых банд, подобных «фантома-

сам», в СССР были единицы. В основном же это были скоротечные формирования, которые создавались дилетантами и достаточно быстро выявлялись и ликвидировались. Вот лишь один из подобных случаев, произошедших в **1970 году**.

Дело было в латвийском городе Даугавпилсе. Там проживали два друга – Юрий и Павел. Обоим – чуть больше двадцати, и у обоих за плечами пусть не богатый, но опыт противостояния закону. Например, Юрий пару лет назад на вечеринке учинил драку и получил два года за хулиганство. Правда, благодаря стараниям отца, который использовал все свои связи, парню удалось благополучно избежать отсидки – коллектив ремонтных мастерских, где он работал, взял его на поруки, и наказание ему было назначено условное. Что касается Павла, то ему повезло меньше: поскольку любящего папы у него не оказалось, ему пришлось отсидеть год за ту же «хулиганку», а именно – за дебош в винно-водочном отделе магазина.

Все свободное от работы время дружки проводили в праздном веселье: кутили в ресторанах либо просто шлялись по улицам и задирали прохожих. Собственно, таким образом тогда развлекались многие юноши по всей стране, но Юрия и Павла отличало от них одно существенное «но»: когда денег им стало катастрофически не хватать, они легко решились переступить ту черту, которую не каждый их сверстник способен перешагнуть. Они задумали ограбить одну из много-

численных точек общепита: ресторан или магазин. Поскольку для такого серьезного дела требовалось серьезное оружие, было решено раздобыть его в первую очередь. Но где его взять в небандитском Советском Союзе? И тогда Юрий предложил напасть на контрольно-пропускной пункт электростанции, находившейся за городом: мол, там дежурит пожилая женщина, вооруженная ТТ, справиться с которой не составит большого труда. На том и порешили.

Поздним воскресным вечером **9 августа** на одной из улиц города приятели тормознули такси и попросили подбросить их в соседний квартал. Таксист поначалу не хотел их брать (время-то позднее), однако затем, приглядевшись повнимательнее, согласился. Как он расскажет впоследствии, его ввел в заблуждение внешний вид одного из «голосовавших»: тот был прилично одет, да еще в очках. Такой, мол, не способен на что-то плохое. Как он ошибался! Едва таксист довез их до места назначения, как этот самый очкарик внезапно ударил его чем-то тяжелым по голове, а его приятель, сидевший на заднем сиденье, обхватил руками за шею и стал душить. Однако таксист оказался не робкого десятка и стал сопротивляться. Но силы были явно не равны. В итоге шоферу сильно досталось: ему выбили шесть зубов, сломали нос. Когда он потерял сознание, ему связали руки за спиной и бросили в багажник «Волги».

Через несколько минут злоумышленники подъехали к КПП электростанции. Как они и рассчитывали, в будке ока-

залась всего лишь одна сторожиха. Хоть она и была вооружена, однако серьезного сопротивления оказать не успела. Она, как и таксист, «купилась» на приличный внешний вид парней. Те сделали вид, что заблудились, вошли в будку и тут же напали на сторожиху. Один из преступников ударил ее в живот, а второй, зарычав над ухом: «Не рыпайся, тетка!» – достал из кобуры «тэтэшник» и обрушил его рукоятку на голову женщины. Она упала на пол и потеряла сознание.

Завладев оружием, преступники сели в машину и вновь помчались в город. Однако по дороге вспомнили про таксиста, который все это время лежал, связанный, в багажнике. Остановив машину, приятели стали думать, как быть с ним. После короткого спора решили убить. Для этого они свернули с трассы и заехали в лес. Там они вытащили таксиста наружу и, поставив его на колени, приставили дуло к виску. От смерти водителя отделяли какие-то доли секунд. Однако мужик, видимо, в рубашке родился. Он принялся их совестить («Что же за матери вас породили, если вы хуже палачей?!» и т. д.), и у тех что-то дрогнуло внутри. В итоге они отволокли жертву к ближайшему дереву и привязали к стволу веревками. Затем сели в такси и укатили в город.

Бросив машину при въезде в Даугавпилс, преступники разбежались в разные стороны, договорившись завтра встретиться вновь – уже для ограбления. Однако все карты им спутал таксист. К утру он сумел перетереть веревки и прямиком отправился в милицию, где и рассказал все без утайки.

На ноги были подняты значительные силы милиции, которые принялись прочесывать весь город. В тот момент, когда эта операция была в самом разгаре, преступники находились в кафешке на пристани: там они встретились с двумя приятелями – Владимиром и Виктором – и стали активно зазывать их в свою шайку. Те согласились. Один из них – Виктор – впоследствии расскажет: «Потом поехали к Юрке на дачу. Там на столе лежали десять рублей, отложенные, чтобы заплатить за квартиру. Юрка взял деньги и отдал их Павлу и Володьке, сказал, чтобы они шли и купили водки. Когда они ушли, Юрка достал пистолет и выстрелил из него два раза в электрическую лампочку. Потом дал пистолет подержать мне. Потом сказал: „Вымети осколки“. Я взял веник и вымел стекляшки. Вернулись Павел с Володькой, принесли водку. Выпили. Юрка играл на гитаре и пел. Павел очень смешно рассказывал, как они с Юркой вчера „обработали“ шофера такси и как у бабки отобрали пистолет. Он говорил: „Лупанули по голове, она и кувырк, лапочка“. Мы смеялись…»

Приятели договорились ограбить ресторан «Стропы», в котором до этого неоднократно бывали. Посетителей там всегда было много, значит, и денег в кассе было в избытке. План нападения составили следующий. Виктор должен был сидеть в машине (ее они должны были угнать за час до ограбления) и ждать приятелей возле ресторана, Владимиру предстояло стоять «на шухере» возле дверей, а основную роль – нападающих – брали на себя Юрий и Павел. Именно перво-

му предстояло выстрелить из пистолета вверх и потребовать выручку. «При виде пистолета никто даже не подумает дернуться», – заранее предвкушал успех Юрий. Однако с рестораном произошел «облом».

Когда злоумышленники подъехали к ресторану, тот был уже закрыт. Но машина преступления была уже запущена, и отступать от своего плана приятели не думали. Они решили проехаться по трассе Рига—Орел и ограбить первый же попавшийся магазин. Сказано – сделано. Но они не знали, что везение в тот день покинуло их окончательно. Не успели они проехать и нескольких сот метров – кончился бензин. Друзья попытались дозаправиться, остановив попутку, но ни один из водителей не согласился остановиться. А когда один из них громко засигналил и осветил всех четверых фарами, нервы приятелей не выдержали, и они бросились врассыпную.

Юрий пробежал по полю несколько десятков метров, после чего решил выскочить на дорогу и сделать еще одну попытку поймать попутку. Когда он вышел на шоссе, оно было пустынным. Затем вдали наконец показались фары приближающегося автомобиля. Юрий замахал руками, и автомобиль остановился. Все еще не веря в свою удачу, Юрий бросился к машине и распахнул дверцу. В салоне сидели… несколько милиционеров.

Тот из них, что сидел на переднем сиденье, попытался схватить парня за руку, но ему не повезло: тот вырвался и

попытался отскочить назад. Но за спиной уже стоял другой милиционер, вышедший из машины чуть раньше. Он обхватил Юрия руками, попытался сделать подсечку, но не успел. Парень выхватил из-под ремня «тэтэшник» и навскидку выстрелил. Милиционер обмяк. Юрий бросился прочь от дороги, на ходу стреляя в преследователей. Когда впереди показалась Двина, он, не раздумывая, бросился в воду и поплыл на другой берег. Ему казалось, что там его уж точно не достанут. Но он ошибся. Едва он выбрался на берег и прошел несколько метров вперед, как навстречу ему вышли сразу несколько человек в милицейской форме. Сил сопротивляться у Юрия уже не было, и он безропотно поднял вверх руки.

Милиционером, в которого стрелял Юрий, был 43-летний майор Генрих Беломестных. В милицию он пришел в 17 лет, закончив перед этим железнодорожный техникум. Через год женился, родились двое сыновей. В 55-м Беломестных вступил в ряды КПСС, в 61-м – закончил Высшую школу МВД СССР. Несколько лет назад он был назначен заместителем начальника районного отделения милиции и в ту роковую ночь замещал своего шефа, отбывшего в отпуск. Пуля, выпущенная преступником, угодила майору в грудь, и он скончался от потери крови еще до того, как его привезли в ближайшую больницу. **14 августа** его имя было занесено на мемориальную доску МВД Латвийской ССР. А **20 октября** Указом Президиума Верховного Совета СССР майор ми-

лиции Беломестных Г.Г. был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Что касается преступников, то их всех задержали. Юрия, который за месяц до преступления подал заявку в ЗАГС, суд приговорил к высшей мере наказания – расстрелу. Его подельники отделались различными тюремными сроками (от 12,5 до 7 лет лишения свободы).

В поисках маньяка

И вновь вернемся в Луганск, где милиция роет землю носом в поисках опасного маньяка. По ходу расследования попутно было просеяно сквозь милицейское сито несколько десятков подозреваемых. Например, осуществляя подворные обходы по делу об убийстве студентки, сыщики узнали от одного из свидетелей о том, что в ночь убийства недалеко от места преступления – в парке имени Горького – ночевал неизвестный. Свидетель рассказал, что заметил на его руках и лице свежие царапины. Сыщики перелопатили чуть ли не весь район, подняли на ноги всю свою агентуру и в конце концов установили личность неизвестного. Им оказался мужчина без определенного места жительства, в прошлом судимый за кражу и бродяжничество. Однако он оказался непричастным к убийству студентки и апрельским насилиям.

Когда пришел ответ от экспертов, что обнаруженная на месте убийства студентки тесьма производится в Риге фабрикой «Лента», туда срочно был направлен инспектор угро. Он установил, что эта тесьма поступает на 36 торговых баз, в том числе на киевскую базу «Укргалантерея». Когда направили туда запрос, получили ответ: лента направлялась в торговые организации республики (и в Луганск в том числе) как самостоятельный товар и как упаковочный материал. В свя-

зи с этим возникла версия, что маньяк – один из работников торговых организаций или швейных предприятий. В апреле—мае проверили более 500 человек, имеющих отношение к этим организациям, но и этот путь оказался тупиковым.

Между тем **30 июня** у луганских сыщиков появилась новая ниточка. В тот день возле поселка Екатериновка на берегу речки Лугань неизвестный попытался изнасиловать несовершеннолетнюю Катю Владимирову. Однако проходившие мимо люди помешали ему осуществить задуманное. Спасаясь бегством от разъяренных жителей поселка, насильник бросился в речку, переплыл ее и скрылся. Однако он оставил на берегу, в лесополосе, всю свою одежду: брюки, рубашку, трусы, носки и туфли. В кармане брюк сыщики обнаружили связку ключей, небольшую отвертку и часы марки «Полет». Именно часы вывели сыскарей на преступника.

Оказалось, что часы недавно побывали в ремонте. Стали проверять квитанции в часовых мастерских Луганска и близлежащих населенных пунктах. Просмотрели порядка 30 тысяч квитанций. И все же нашли нужную: она была выписана на гражданина Бурова. Когда стражи порядка «нарисовались» на пороге его квартиры, тот так поразился этому факту, что не стал играть в молчанку и сознался: да, это он напал на девочку. Однако от других преступлений категорически отрекся. Дальнейшая проверка показала, что парень не врет – маньяком действительно был не он.

Тем временем в субботу, **4 июля**, Луганск потрясло оче-

редное преступление маньяка-убийцы: на рассвете жители улицы Первая Линия обнаружили под стеной старого гаража вблизи трамвайной остановки убитую женщину. Примчавшиеся на место преступления сыщики нашли возле трупа обрывки газеты «Сельская жизнь» от **7 июня** со следами крови и цифрой 20, написанной карандашом. Убитой оказалась 22-летняя Наталья З., рабочая завода имени Октябрьской революции. Сыщики установили, что с ее левой руки исчезли часы марки «Луч». Ни у кого не вызывало сомнений, что это убийство совершено именно тем маньяком, за которым вот уже свыше трех месяцев охотится луганская милиция. Город вновь залихорадило. В тот же день в горотделе милиции было созвано экстренное совещание, где было решено выделить для поимки преступника к тем 900 милиционерам и дружинникам, которые его искали, еще 100 человек.

Больше недели понадобилось сыщикам, чтобы отработать «газетную» версию. В поле зрения попали больше 170 человек, выписывавших газету «Сельская жизнь» и проживавших в домах или квартирах № 20. Однако ни один из этих людей или их знакомых не был причастен к убийствам. Что касается часов марки «Луч», то и здесь сыщиков ждало разочарование: ни в одном из комиссионных магазинов или скупок они так и не всплыли.

В это же время в милицию пришло анонимное письмо, в котором сообщалось, что жертва от **4 июля** была убита двумя мужчинами, один из которых работает транспортировщи-

ком на обувной фабрике. Судя по почерку, письмо написал человек преклонного возраста и малограмотный. Учитывая, что этот же аноним уже присылал в милицию похожее письмо по поводу другого убийства, а оно не подтвердилось, у сыщиков были все основания не поверить и в это послание. Однако все равно решено было его проверить. В итоге было просеяно сквозь сито около 2000 человек, но результат вновь оказался нулевой.

И все же утверждать, что разыскников на каждом шагу подстерегали неудачи, было бы неверно. Так, **10 июля** из Харькова пришло сообщение, что там задержан рабочий авиационного завода. При обыске в его квартире были изъяты часы, принадлежавшие одной из пострадавших ранее женщин, а также вещественные доказательства по делу Азаровой, убитой **15 июня**. Задержанный сознался в убийстве двух женщин и одном нападении. Однако к луганским преступлениям он отношения не имел.

Между тем неудачи сыщиков только подстегивали маньяка. Поздно вечером в четверг, **6 августа**, произошло еще одно изнасилование. На этот раз жертвой преступника стала гражданка Соловей, которая возвращалась домой по улице Жуковского. Насильник напал на нее сзади, затащил в укромное место и, связав руки поясом от ее платья, попытался изнасиловать. При этом он сорвал с жертвы часы марки «Ракета». Однако, уходя с места преступления, насильник забыл там свой пиджак 48-го размера. В его карманах сыщи-

ки обнаружили шнурок от обуви, обрывок женского ситцевого платья со следами красителя и белую ленту-тесьму производства Дарницкого шелкового комбината. Стали «пробивать» эти вещдоки. Выяснилось: подобную тесьму получает и Луганская обувная фабрика. Проверили всех ее рабочих (особенно связанных с упаковкой и транспортировкой готовой продукции), одежда которых соответствовала 48-му размеру, но все безрезультатно, – маньяка среди них не оказалось.

Тем временем специалисты Харьковского научно-исследовательского института судебных экспертиз вынесли свое резюме: на оставленном на месте преступления пиджаке имеются несколько волосинок от шерсти кролика, а на одной из пуговиц – следы сургуча. Так в поле зрения сыщиков попали кролиководы, а также упаковщики и конторские служащие, пользующиеся сургучом. Однако как среди этих людей найти маньяка, сыщики себе не представляли.

Схватка в Сокольниках

В разные годы отношение рядовых граждан к представителям милиции в СССР было различным. Например, если в 40-х годах их боялись и уважали, то после смерти Сталина благодаря хрущевским разоблачениям стали откровенно недолюбливать. В итоге, когда этот процесс серьезно отразился на уровне преступности в стране (она стала стремительно расти: если в **1957 году** в СССР было зарегистрировано 677 260 преступлений, то через год – 880 322), власти одумались и предприняли широкомасштабные попытки вернуть милиции былое уважение. На киностудиях стали сниматься фильмы о доблестных работниках милиции, писатели стали писать о них книги (жанр кино– и книжного детектива появился в СССР именно в конце 50-х), а композиторы и поэты – сочинять песни.

В результате этой деятельности профессия милиционера вновь стала престижной, и тысячи молодых людей перестали считать зазорным идти служить в органы МВД. Повысился авторитет стражей порядка и в уголовной среде, о чем свидетельствовало и количество посягательств на жизнь милиционеров. Например, если после смерти Сталина, в дни так называемой «бериевской амнистии», от рук преступников пострадало порядка 300 милиционеров (рекорд в послевоенные годы), то спустя пятилетие эта цифра снизилась почти

вдвое. Однако в 60-х годах эти цифры, увы, стали снова расти. Так, пик посягательств выпал на юбилейный год – год 50-летия Великого Октября (**1967**), когда было совершено 487 нападений на сотрудников МВД. Однако в течение последующих двух лет – в основном благодаря грамотной политике нового союзного министра внутренних дел Николая Щелокова, который, как и десять лет назад, развернул в обществе широкую пропагандистскую кампанию по возвеличиванию органов правопорядка, – число посягательств на милиционеров пошло на спад: в **1968-м** – 389 случаев, в **1969-м** – 368.

Однако в очередном юбилейном году – 100-летия со дня рождения В.И. Ленина – кривая посягательств на стражей порядка вновь скакнула вверх: 421 случай. Судя по всему, связано это было именно с юбилеем: нацеленные на то, чтобы этот год прошел для граждан как можно спокойнее, советские милиционеры проявляли излишнее рвение и чаще, чем обычно, подставлялись под удар. Сегодня о подобном можно только мечтать. Кстати, после **1970 года** число посягательств на сотрудников милиции в СССР больше никогда не пересечет отметку 400 – всегда будет ниже («потолок» будет зафиксирован в **1971 году** – 385, «плинтус» в **1987-м** – 172). Но вернемся в **1970 год**.

Одно из последних посягательств на сотрудника милиции в том году произошло в Москве, о чем советским гражданам сообщила газета «Вечерняя Москва» (номер от **30 сентября**). Дело было так.

Сентябрьским вечером некий неизвестный мужчина зашел в одну из сберегательных касс в Сокольниках и стал слоняться по ней из угла в угол, делая вид, что изучает развешанные на стенах стенды. Однако его косые взгляды по сторонам сразу привлекли внимание одной из кассирш. Когда незнакомец вышел из кассы, она последовала следом, чтобы позвать милиционера, стоявшего неподалеку. Милиционером оказался молоденький младший сержант Деев, прослуживший в 98-м отделении милиции всего лишь полгода. Он до-гнал незнакомца и попросил предъявить документы.

Мужчина сунул руку в карман плаща, но вместо паспорта достал нож. Видимо, Деев не ожидал такого поворота, поскольку даже не успел среагировать, и лезвие ножа вонзилось ему в правый бок. Преступник же бросился бежать. Превозмогая боль и зажимая рану рукой, Деев пустился в погоню. Он был вооружен пистолетом, однако применять его побоялся: во-первых, на улице были люди, в которых он мог нечаянно попасть, во-вторых, это только в кино милиционеры лихо разбирались с бандитами с помощью ствола, а в жизни за любое применение огнестрельного оружия стражей порядка таскали по высоким инстанциям и заставляли писать объяснительные.

Тем временем, увидев, что раненый милиционер упрямо преследует его по пятам, преступник решил его добить. Резко развернувшись, он бросился с ножом на Деева, надеясь на этот раз ударить наверняка. Однако младший сержант был

готов к такому повороту событий. Ловким ударом ноги он выбил нож из рук преступника, а вторым ударом – на этот раз кулаком – свалил его с ног. Не ожидавший такого отпора преступник упал на спину, а Деев навалился на него сверху и, применив болевой прием, заставил уткнуться лицом в землю. Взвыв от резкой боли в плече, бандит потребовал пощады. В этот миг к месту происшествия подбежали несколько прохожих, с помощью которых Деев и доставил преступника в отделение милиции.

Бандиты Ашхабада

Пользуясь тем, что советские граждане доверяют милиции, преступники не упускали случая использовать эту ситуацию в своих корыстных целях. Например, некоторые из них добывали милицейскую форму и выходили на скользкую дорожку преступлений. Так было, к примеру, в случае, который произошел в столице Туркмении городе Ашхабаде. Там образовалась банда, в которую вошли пять человек: Саркиев, Коленченко, Давидян и еще двое так и не установленных следствием людей. В их арсенале было огнестрельное оружие (один пистолет, принадлежавший Коленченко) и форма сотрудника милиции. Обдумывая наиболее удобные способы заработать легкие деньги, бандиты пришли к идее вооруженного грабежа. А в качестве жертвы выбрали жителя города Гасинова, у которого, по их данным, была большая сумма денег.

Акцию назначили на **17 сентября**. В тот день трое участников банды (Саркиев, Давидян и участник группы, личность которого не установлена) пришли к парку имени Кирова, где примерно в 11 часов дня сели в автомашину «Москвич», за рулем которой находился приятель бандитов Васильев. Спустя несколько минут пассажиры были уже у стадиона «Трудовые резервы», где их поджидали остальные участники банды – Коленченко, Саркиев и другой неустановлен-

ный участник группы. У стадиона Саркиев облачился в форму офицера милиции, надел солнцезащитные очки и вместе с Васильевым поехал на автомашине к дому жертвы. Остальные бандиты пришли туда пешком, благо это было недалеко – всего несколько минут ходу. У дома бандиты разделились: Васильев остался в машине, а остальные отправились грабить Гасинова.

В тот момент, когда в доме объявились бандиты, хозяина семейства не было. Однако в квартире находились его родственники в количестве пяти человек: жена Гасинова с двумя малолетними детьми, сестра жены и брат Гасинова. Несмотря на то что один из бандитов был облачен в милицейскую форму, хозяйка дома не растерялась и потребовала у пришедших документы. После этого Саркиев рассвирепел: он повалил женщину на кровать и стал ее душить. Брат Гасинова бросился на помощь хозяйке, но Коленченко опередил его и ударил пистолетом по голове. Понимая, что сопротивляться бесполезно, хозяйка согласилась выдать преступникам деньги. Так в руки бандитов перекочевала значительная сумма: несколько тысяч рублей. Кроме этого, Саркиев забрал у сестры Гасиновой паспорт и билет на самолет до Душанбе стоимостью 21 рубль. Однако воспользоваться похищенными деньгами бандитам так и не удалось – вскоре их арестовали. Правда, не всех – только Саркиева, Коленченко и Васильева. Остальные успели скрыться из города. Весной следующего года состоялся суд над бандитами, который

определил им следующие сроки заключения: Саркиев и Коленченко получили по 9 лет, Васильев – 2 года.

Душегубы Бразинскасы

Вплоть до 60-х годов в СССР не было попыток угонов пассажирских самолетов. Один из первых таких случаев произошел в **сентябре 1964 года** в Молдавии, когда два уголовника предприняли попытку захвата самолета, чтобы сбежать на Запад. Попытка угона провалилась. После этого один угонщик был арестован, другой застрелился.

Однако уже в следующем десятилетии эта проблема стала превращаться в настоящую головную боль для советских властей. И первый «звонок» пришелся именно на тот юбилейный год. Причина подобных преступлений крылась в одном: все больше советских людей поддавались западной пропаганде, вещавшей о «райской» жизни на Западе, и стремились любой ценой покинуть СССР. А «поводырями» в этом для них стали… советские евреи, которые первыми в новом десятилетии предприняли попытку угона пассажирского самолета, для того чтобы улететь в Израиль. Случилось это в июне 70-го в Ленинграде, где целая группа евреев в количестве 16 человек во главе с 43-летним Марком Дымшицем попыталась захватить самолет, но была арестована еще на летном поле сотрудниками КГБ. Однако дурной пример оказался заразительным. Поскольку эта акция широко освещалась в советской прессе, у угонщиков нашлись последователи. Причем эти люди пошли дальше своих предшественни-

ков. Речь идет об отце и сыне Бразинскасах.

Инициатором захвата выступил старший – Пранас Стасио Бразинскас, **1924 года** рождения (сын Альгирдас родился в 55-м). Пранас был не новичок в преступном промысле, успев к этому времени дважды отсидеть в тюрьме: в **1955 году** он был осужден за злоупотребление служебным положением к одному году исправработ, а в **январе 1965 года** вновь угодил за решетку – теперь уже на пять лет, после того как был уличен в расхищении вверенного ему имущества (он тогда работал заведующим магазином). Однако за примерное поведение в неволе Пранас был досрочно освобожден и осел в городе Коканде Узбекской ССР. **20 марта 1968 года** он зарегистрировал брак с гражданкой Корейво и взял ее фамилию. Вскоре к нему на постоянное место жительства приехал его сын Альгирдас.

Поскольку у Пронаса была судимость, устроиться на руководящую работу он уже не мог. Однако амбиций у него было выше крыши, поэтому к сложившейся ситуации он относился крайне болезненно, считая, что советская власть ущемляет его в правах. На этой почве и вызревал его антисоветизм, которым он заразил и своего сына. Отец внушал ему, что в этой стране им обоим ничего не светит, поэтому нужно бежать на «свободный» Запад. В итоге было решено сделать это путем угона пассажирского самолета. В качестве места преступления была выбрана Грузия, откуда до вожделенной заграницы было ближе всего. На дело преступники по-

шли хорошо вооруженными: имели на руках пистолет, обрез и несколько гранат-«лимонок».

15 октября 1970 года Бразинскасы заняли места в правом ряду по правому борту самолета «Ан-24», совершавшего рейс из Батуми в Сухуми. На борту воздушного судна находилось 46 пассажиров (из них 17 женщин и один 4-летний ребенок) и пять членов экипажа (Георгий Чахракия – командир корабля, Сулико Шавидзе – второй пилот, Валерий Фадеев – штурман, Оганес Бабаян – бортмеханик, Надежда Курченко – стюардесса). Самолет взмыл в воздух и взял курс на Сухуми. Примерно через десять минут после взлета, когда самолет находился в районе города Кобулети (30 км от Батуми), преступники поднялись со своих кресел. Первым шел Бразинскас-старший. За несколько метров до пилотской кабины путь им внезапно преградила 19-летняя Надя Курченко.

Увидев в руках неизвестного мужчины обрез, она попыталась выбить его, но не сумела. В ответ грянули два выстрела. Пули, угодившие девушке в грудь, отбросили ее назад. Путь в пилотскую был свободен, и уже через мгновение бандиты были там. Бразинскас-старший сорвал наушники сначала с командира корабля, затем проделал то же самое с Фадеевым и Бабаяном. Чахракия попытался сопротивляться и тут же получил удар прикладом обреза по голове. На какое-то время он потерял сознание. Когда очнулся, тут же попытался нажать кнопку связи, чтобы передать сигнал тревоги SOS, но

связь уже не работала. Рядом с ним стоял Бразинскас-старший, который, потрясая зажатой в одной руке гранатой, произнес:

– Эти гранаты не для вас. Это для пассажиров.

И все же командира это не испугало: в следующую секунду он пошел на отчаянный шаг – заложил глубокий вираж. Бандитов отбросило в сторону, однако, теряя равновесие, старший из них успел выстрелить Чахракии в спину. Второй выстрел он сделал в Бабаяна, который попытался вырвать обрез у него из рук. Но бортмеханику повезло – пуля ушла в приборную доску, лишь пороховое пламя обожгло ему живот. Последовал новый вираж, а за ним новый выстрел – снова в спину Чахракии. Падая, тот грудью прижал штурвал к приборной доске: самолет резко пошел вниз, к морю. Сулико Шавидзе что есть силы потянул штурвал к себе, иначе гибель самолета была неминуема. Штурман Фадеев попытался встать с кресла, но его остановили выстрелы: одна пуля пробила легкое, две другие попали в руку и плечо. Бразинскас-старший закричал:

– Перестаньте! Мы пристрелим вас всех. Веди к границе! Держать берег моря слева! Курс на юг! В облака не входить!

Но даже после этого Чахракия сделал еще одну попытку схитрить: он направил самолет в сторону военного аэродрома в Кобулети. Но Бразинскас-старший разгадал и этот маневр. Поднеся обрез к виску пилота, он скомандовал:

– Веди к границе или умрешь сам и потянешь за собой

всех остальных.

Понимая, что бандит не блефует, Чахракия вынужден был направить машину к Трабзону. Уже на подлете к Трабзону он обратился к старшему из бандитов: «Горючее на исходе. Я должен дать сигнал бедствия». Только так ему наконец удалось выйти в эфир, донести до родины весть о том, что происходит на борту.

Когда сигнал SOS был принят на земле, первым желанием грузинских властей было немедленно отбить самолет у угонщиков, а их самих схватить. В штабе Закавказского военного округа уже прорабатывался план направить на турецкий аэродром военный «Ан-12» со взводом десантников для этой цели. Однако Кремль отказался от этого плана, посчитав его авантюрным. Там уповали на благоразумие турецких властей, которые обязаны были выдать преступников России. Но ситуация сложилась несколько иначе.

В пятницу, **16 октября**, советское правительство обратилось к правительству Турции с просьбой вернуть самолет и находящихся на его борту людей на родину. Однако турки удовлетворили только вторую часть просьбы – вернули людей (в госпитале Трабзона остался только получивший серьезные ранения штурман самолета Валерий Фадеев, которому была сделана операция, и оба террориста, которые попросили предоставить им политическое убежище), оставив «Ан-12» у себя. Это возмутило Брежнева, который в тот же день вызвал к себе министра обороны Гречко и напрямую

спросил его, можно ли каким-то образом вернуть самолет силовым методом. «Почему же нельзя? – удивился Гречко. – У меня в ГРУ есть такие парни, которые даже с Луны его достанут». – «Тогда действуй!» – приказал министру Брежнев.

Уже на следующий день в ГРУ была сформирована спецгруппа из лучших офицеров-спецназовцев. Ночью того же дня они добрались до советско-турецкой границы, где наши пограничники открыли им коридор и пропустили к туркам. Действуя грамотно и умело, наши спецназовцы незаметно прошли турецкие кордоны и углубились на чужую территорию. За четыре дня им предстояло преодолеть 180 километров до аэропорта Сено, где стоял угнанный самолет.

Между тем страна продолжала горячо обсуждать случившуюся трагедию. Практически все советские газеты опубликовали на своих страницах подробности этого происшествия. Но наиболее полную картину воспроизводила «Комсомольская правда», начавшая серию публикаций об этой трагедии **18 октября** заметкой «Подвиг комсомолки Надежды Курченко». Из этой серии публикаций читатели узнали некоторые детали биографии 19-летней девушки, не побоявшейся встать на пути двух вооруженных преступников. В частности, газета сообщила, что Надя Курченко была родом из Удмуртии, из небольшого поселка Пудем. Училась она в Панинской школе-интернате, после окончания которой уехала учиться на стюардессу. В Сухуми она вместе с подругой снимала комнату возле аэропорта. Незадолго до траге-

дии она встретила хорошего парня из Ленинграда, за которого собиралась выйти замуж. Не довелось. За день до своей гибели Надя звонила на родину, своей маме Генриетте Ивановне, и обещала скоро приехать в отпуск. И этому тоже не суждено было осуществиться.

Во вторник, **20 октября**, в Сухуми состоялись похороны геройски погибшей в схватке с вооруженными террористами Надежды Курченко. Такого массового участия в похоронах Сухуми не знал, наверное, со дня своего основания (а город известен с 736 года). При огромном стечении народа тело отважной девушки было предано земле в Комсомольском парке. Стоит отметить, что родственники Нади просили похоронить ее на родине, в Удмуртии, но им в этой просьбе вежливо отказали, сказав, что с политической точки зрения этого делать нельзя. Зато пообещали родственникам, что те беспрепятственно могут ездить на могилу Нади в любое время года за счет Министерства гражданской авиации. Кроме этого, матери Нади удмуртские власти выделили трехкомнатную квартиру в Глазове.

В тот же день группа спецназа ГРУ, отправленная в Турцию с миссией возвратить на родину угнанный самолет, наконец добралась до аэропорта Сено. Но нашим коммандос не повезло: им не хватило всего лишь нескольких часов, чтобы застать самолет на аэродроме. Дело в том, что, за то время пока они находились в рейде, нашим мидовцам удалось уломать турок вернуть самолет на родину. Поэтому, узнав

об этом, спецназовцам пришлось разворачиваться и возвращаться назад с пустыми руками.

Тем временем **23 октября** в Москве мать погибшей стюардессы Надежды Курченко Генриетта Ивановна была принята первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Тяжельниковым. Тот передал ей высшую награду комсомола – Почетный знак ВЛКСМ и Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ. А спустя два дня появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Н. Курченко орденом Красного Знамени (посмертно). Эту награду тоже передали матери погибшей.

А двух преступников, убивших 19-летнюю девушку и тяжело ранивших еще двух человек, продолжали скрывать у себя турецкие власти. Чуть позже Бразинскасы переберутся в США, где и осядут навсегда, подпав под действие закона о защите свидетелей: им сменят фамилии, изменят внешность и поселят в провинции. Советское правительство неоднократно будет обращаться к американским властям с требованием выдать им преступников, но каждый раз ему будут отвечать отказом. Но возмездие все равно настигнет преступников. Спустя 30 лет, в **2000 году**, Бразинскас-младший в ссоре убьет своего отца и сядет в тюрьму.

Между тем дурной пример Бразинскасов оказался заразительным: в том же октябре 70-го произошел еще один захват воздушного судна на территории СССР. Снова двое вооруженных преступников проникли на борт самолета и потребовали от экипажа лететь в Турцию. В советских газетах об

этом не было написано ни строчки, поскольку стало понятно, что преступники совершили побег под влиянием предыдущего захвата, детали которого были скрупулезно описаны в прессе. С этого момента на публикации подобного рода в СССР будет наложено табу, чтобы не плодить новых воздушных террористов.

«Перехват» по-советски

В арсенале сегодняшней российской милиции существует такая операция, как «Перехват», которая помогает стражам порядка оперативно отсекать пути отступления преступникам и выявлять их местонахождение после совершения преступления. Однако очень редко эта операция приносит свои плоды, поскольку преступники сегодня не менее мобильны, чем милиция. А вот в советские годы никаких «Перехватов» не было и в помине, зато преступников ловили куда более оперативно. Один из таких случаев произошел промозглым **ноябрьским** днем **1970 года** в Москве. Тогда двое вооруженных преступников весьма серьезного толка (один из них был с пистолетом, другой с финкой) ограбили средь бела дня кассу магазина и благополучно скрылись с места происшествия.

Когда в магазин прибыла милиция – а это были сержанты милиции Н. Чернопятов (стаж работы в органах 6 лет) и В. Новичков (в милиции с января 70-го), пострадавшие работники прилавка и свидетели достаточно подробно описали им приметы преступников. Не теряя времени, милиционеры бросились в погоню.

Поскольку свидетели утверждали, что грабители удалились от места преступления «на своих двоих», стражи порядка предположили, что те могли направиться к ближай-

шей станции метро. Это сейчас бандиты снабжены рациями, мобильными телефонами и, главное, иномарками, – а каких-нибудь 30–35 лет назад подавляющее число нарушителей законности были экипированы весьма скромно. Ну что такое один пистолет и одна финка против нынешних автоматов Калашникова, пистолетов ТТ, гранат «лимонка» и тротиловых шашек – бирюльки, да и только. Хотя по меркам советского времени наличие даже одного пистолета было равносильно всему перечисленному арсеналу, вместе взятому.

Итак, милиционеры Чернопятов и Новичков спустились в метро, на станцию «Комсомольская». И достаточно быстро определили в толпе грабителей, благо многочисленные свидетели подробно их описали. Преступники мирно ждали электричку. Но сесть в нее им было не суждено. Неожиданно выросшие перед ними милиционеры лишили их возможности сопротивляться. Стоит отметить, что спустя несколько дней двух смелых сержантов лично принял министр внутренних дел Николай Щелоков и наградил ценными подарками – наручными часами.

Конец Луганского маньяка

Тем временем продолжались поиски опасного маньяка в Луганске. Пока сыщики собирали улики и просеивали сквозь сито розыска каждого подозреваемого, преступник совершал новые преступления. **26 сентября** город содрогнулся от очередного убийства. Была изнасилована и убита рабочая завода имени Октябрьской революции, возвращавшаяся домой со второй смены. Ее нашли задушенной невдалеке от трамвайной остановки. На месте преступления был найден шнурок от спортивной обуви, которым связывались руки потерпевшей. У жертвы были похищены часы, кольцо, дамская сумка, чулки и кофта.

При подворных обходах сыщики выяснили, что буквально за несколько дней до этого убийства в этом же районе некто пытался изнасиловать еще одну женщину. Ее нашли и допросили. Она рассказала, что нападение произошло поздно вечером, когда она возвращалась домой. Кто-то напал на нее сзади, согнутой в локте рукой придавил за горло, повалил на землю и, заломив руки за спину, начал связывать. Однако на ее крик из ближайшего дома вышли люди, и преступник поспешил ретироваться. Описать его приметы потерпевшая не могла. Однако ее показания натолкнули сыщиков на внезапную мысль: если преступник использует так называемый «стальной зажим», не означает ли это, что он имеет какое-то

отношение к спорту, в частности к борьбе самбо? На это указывал и найденный на месте последнего преступления шнурок от спортивной обуви. Стали проверять это направление: просеяли все секции борьбы в городе, показали тамошним тренерам пиджак преступника. Но и здесь разыскников постигла неудача. А ведь с момента начала поисков маньяка минуло уже полгода.

Три недели маньяк не давал о себе знать, после чего вновь вышел на свою кровавую охоту. Поздним вечером **16 октября** на улице Лермонтова он напал на работницу конфетной фабрики, возвращавшуюся после второй смены домой. Преступник захватом руки сзади придушил ее, отнес в уединенное место и попытался изнасиловать. Однако в этот момент поблизости проходили люди, присутствие которых спугнуло маньяка. Он убежал, так и не сумев осуществить задуманное. А его жертва в тот же день заявила об этом в милицию.

К месту происшествия тут же примчались разыскники. Они обнаружили там шнурок от спортивной обуви и кусок простыни, который маньяк использовал в качестве кляпа. Эксперты ЭКО вынесли свой вердикт по поводу последней находки: при исследовании ткани в ультрафиолетовых лучах обнаружена часть штампа с начальными цифрами «96». Равномерные отверстия по кромке простыни могли означать, что она использовалась в качестве занавески или прибивалась к стене. Теперь сыщикам предстояло в поте лица просеять все организации, где эту простыню могли использовать

в указанных экспертами качествах.

Позже выяснится, что эксперты ЭКО ошиблись, прочитав эти цифры как «96», хотя на самом деле там значилось «36». Однако это выяснится потом, а пока сыщики начали активную отработку этой улики. Было осмотрено белье во всех прачечных города и выяснено, что на большинстве простыней – штампы с наименованием организации. Путем сравнения образцов штампов исключили более 100 организаций. Затем определили, что только воинские части маркировали простыни штампами с цифровым наименованием. В числе их оказалось подразделение 96 444. Однако внимательно изучив порядок приема и выдачи белья в гарнизонной прачечной, выяснили, что зачастую белье одной части попадает в другую. Это значительно усложняло поиск преступника. Кроме этого, услугами этой же прачечной пользовались 12 предприятий, в общежитиях которых также обнаружили простыни с номерами воинских частей. Поэтому сыщикам пришлось проверять все воинские части и общежития этих предприятий. Поскольку это надо было сделать как можно быстрее, привлекли к этому делу дополнительно еще 20 сотрудников милиции плюс подключили к розыску особый отдел гарнизона.

Между тем в воинскую часть 96 444 был заслан «казачок», которого снабдили необходимыми воинскими документами на имя офицера политотдела Киевского военного округа. За шесть дней он под различными предлогами осмотрел лич-

ные вещи военнослужащих, обследовал места, где применялись простыни и ветошь, лично изучил контингент нарушителей дисциплины, провел зашифрованные допросы. Однако ничего ценного так и не выяснил. И это понятно: «казачок» искал преступника совсем не в том месте из-за ошибки экспертов ЭКО, напутавших с цифрами на простыне. Поэтому тогда многим казалось, что маньяка никогда не удастся найти. Но тут удача сама пришла в руки сыщиков.

8 ноября, примерно в одиннадцать часов вечера, участники одной из оперативно-поисковых групп услышали истошный крик женщины, доносившийся со стороны парка имени Первого мая. Милиционеры бросились на шум, однако никого там не обнаружили. Все же они немедленно оповестили по рации о случившемся ближайшие посты. Парк и прилегающая к воинским частям местность были блокированы. В итоге удалось задержать трех подозрительных мужчин, один из которых вызывал больше всего подозрений. Это был молодой человек без документов, одетый в штатский костюм и солдатские сапоги. Его доставили в Каменно-бродский РОВД. Вскоре туда прибыл один из руководителей штаба по розыску маньяка Николай Водько. Проводивший допрос оперативник Талалаев доложил ему о своих впечатлениях: дескать, нутром чую, что это именно тот, кого мы ищем. Водько приказал привести задержанного и во время допроса лично убедился в правильности выводов своего коллеги.

Как выяснилось, задержанным оказался военнослужащий воинской части 61 436 (а не «96»!) Алмазян. Во время допроса он сознался, что переоделся в штатский костюм на продовольственном складе части, где последнее время был дневальным. К указанному месту отправили разыскников. И не зря – там их ждали неожиданные находки. На чердаке склада были обнаружены женские туфли и кофточка, сходные с теми, что были на одной из жертв. А в тумбочке Алмазяна сыщики нашли несколько других вещей потерпевших, в том числе серьгу и кольцо. Когда эти вещи предъявили Алмазяну, нервы его не выдержали, и он сознался в двух убийствах, а также в нескольких изнасилованиях и покушениях на убийство. Кроме этого, выяснилось, что еще до призыва в армию, на гражданке, он совершил три нападения на женщин, но остался неразоблаченным. Но, как говорится, сколь веревочке ни виться… Суд воздаст должное маньяку – он будет расстрелян.

Удар по «каталам»

В уголовной среде Советского Союза карточные шулеры («каталы») считались элитой. Было их тогда немного, и свои темные делишки они проворачивали в основном в крупных городах и на курортах. Однако по мере роста благосостояния советских людей эта категория преступников ширилась, привлекая в свои ряды все новых и новых людей. Особенно сильно это происходило в 60-х годах, причем дело было поставлено на солидную основу. Достаточно сказать, что именно тогда, в конце 60-х, группа «катал», прознав, что в Тбилиси проживает знаменитый еще в царские времена преферансист, предложила ему за деньги открыть свою «академию» и передать мастерство молодому поколению. Старик согласился. Так к началу следующего десятилетия в жизнь вошла целая плеяда профессиональных игроков в карты самого высокого пошиба, сколачивавших себе на этом целые состояния. В 80-х годах на место «катал» придут «наперсточники» – еще одна порода ловких мошенников.

«Каталы» делились на несколько категорий в зависимости от мест, где они обычно играли. Те, кто играл в такси, например, назывались «гонщиками», а те, кто предпочитал просиживать время в ресторанах или на тайных квартирах («катранах»), – «катранщиками». Последние считались элитой среди карточных игроков.

Иногда на этих «катранах» появлялись весьма высокопоставленные деятели из государственной, партийной и даже правоохранительной среды, в хобби которых входили карты. Именно на «катранах» между «каталами» и деятелями из высшей государственной сферы порой устанавливались самые доверительные отношения. Был, к примеру, такой случай в те годы. Когда один особенно ретивый оперуполномоченный встал поперек дороги «каталам», те на своей сходке решили убрать его весьма оригинальным способом. По их ходатайству один из чиновников МВД попросту подписал приказ о повышении оперуполномоченного по службе, и того с Петровки, 38, перевели на Огарева, 6, в Управление розыска МВД СССР.

Для решения наиболее важных вопросов «каталы» собирали «съезд» где-нибудь на природе или на одном из черноморских курортов. Делегатами «съезда» были руководители бригад. Наиболее важным на подобных слетах обычно являлся вопрос о территориальных разграничениях. В **1969 году** в лесу недалеко от аэропорта Внуково «съезд» карточных шулеров, например, разделил территорию аэропорта между «каталами» из Москвы, Тбилиси, Днепропетровска и Киева.

Долгое время власти закрывали глаза на деятельность карточных шулеров, поскольку в числе их жертв в основном были зажиточные граждане, так называемые «красные буржуи» – цеховики, директора торговых баз, рынков и т. д. Однако после того, как ряды шулеров стали стремительно расти

и в поле их деятельности все чаще стали попадать рядовые советские граждане, которые стали буквально заваливать органы правопорядка своими заявлениями, руководство союзного МВД решило дать бой «каталам».

В **1970 году** в Москве состоялся первый в истории отечественной криминалистики суд над группой карточных шулеров. Особую пикантность ему придавало то, что в числе подсудимых оказался племянник Героя Советского Союза Мелитона Кантарии – человека, который в победном мае 1945-го был одним из тех, кто водрузил Знамя Победы над поверженным Рейхстагом. Одним из конвойных на этом процессе оказался хорошо ныне известный депутат Госдумы Александр Гуров (а в те годы он был всего лишь молодым милиционером). Он вспоминает: «Народный суд Тимирязевского района Москвы. Обстановка для суда тех лет вполне обычная: опухшие лица мелких хулиганов, ожидающих своих пятнадцати суток под надзором милиционеров; слезы и ругань разводящихся и алиментщиков; густой табачный дым и винный перегар в грязных туалетах; стриженные наголо и мрачные лица под охраной конвоя. Обычный рабочий день.

Лишь один зал – с хорошо одетой публикой и чинно сидящими на засаленных табуретках адвокатами из «золотой пятерки» – выделялся тишиной и даже торжественностью. Некий колорит этому также придавала фигура кавказца с блестевшей на его груди Звездой Героя. Это он в мае сорок пятого водрузил Флаг Победы над Рейхстагом. Фигу-

ра иногда распрямлялась и начинала косо поглядывать на дверь, откуда наконец крепкие парни из конвойной службы ввели трех стриженных под ноль молодых ребят. Степенно разместившись за отполированным грязным барьером, на так называемой скамье подсудимых, и поглаживая ершики, они стали перекидываться многозначительными взглядами с публикой. Затем «Встать, суд идет!».

Так начался первый в Советском Союзе уголовный процесс над карточными шулерами. Приподнималась завеса над сформировавшейся и действовавшей игорной мафией. Но тогда еще о ее существовании никто не подозревал…

На суде выяснилось, что организованная неким Борисовым и Кантарией (племянником сидевшего в зале Героя Советского Союза) группа с помощью специальных шулерских приемов обыгрывала доверчивых граждан в карты. Обычно у магазина они подбирали клиента, который хотел приобрести мотоцикл либо иную дефицитную вещь, предлагали оказать помощь, но уже в другом конце города, где якобы есть хороший магазин. Шулер, подобравший жертву, садился с ней в такси, а по дороге подсаживались еще двое. В разговоре речь заходила о картах, кто-то предлагал сыграть в удивительно интересную игру – «московского дурачка». Ставки были по одной копейке, затем один из проигравших постоянно их наращивал. И вот… Розданы карты последнего кона. На руках потерпевшего – 30 очков пиковой масти, а он выигрывал при 17–22 очках. Это верный выигрыш. Противная сторона

же имела 31 очко червонной масти. Ставки наращивались. Наконец карты вскрывали, и игроки разбегались под любым предлогом, оставляя удивленную жертву, которая отправлялась в милицию. А там разводили руками: «Ну что же делать, раз не повезло! Мы-то при чем? Не играй!»

Вот и весь нехитрый с виду обман. Но тогда на суде поразило другое. Адвокаты ссылались на законы дореволюционной России, в частности на Уложение об административных проступках, умышленно замалчивая статью 1670 Уголовного уложения, по которой шулерский обман признавался преступным деянием. Прокурор, заранее проконсультировавшись на кафедре уголовного права МГУ и получив должные разъяснения, доказывал мошенничество и приводил такие аргументы: дескать, у преступников были отработаны специальные приемы, роли распределены заранее, была система (Московский уголовный розыск целый год следил за ними и фиксировал факты обыгрывания). Наконец, прокурором Ивановым было продемонстрировано заключение экспертов-филологов, в котором говорилось, что текст записки, передававшейся одним из шулеров на свободу («Кантария, наш покер бит, кончай гонять, воздух не нашли, улик нет»), содержит слова, относящиеся к профессиональному жаргону карточных шулеров.

Суд приговорил всех троих к тюремному заключению. Я тогда находился в составе конвоя. В камере осужденные свободно переговаривались на неизвестном жаргоне, упомина-

ли о какой-то академии, о «шоколадном» отделении милиции, о каких-то съездах, «каталах» и многом другом, что вызывало неподдельный интерес сотрудников милиции и доказывало полнейшую их неосведомленность о новом явлении в криминальной жизни…»

После московского процесса над карточными шулерами по всей стране органы правопорядка активизировали свои действия против представителей этой криминальной касты. Особенно активно эта борьба велась в курортном Сочи – городе, который долгие годы считался негласной столицей советских «катал». О том, как велась эта борьба, свидетельствует случай, который произошел в конце того же **1970 года** с офицером-ракетчиком с засекреченного атомного полигона Виктором Назаровым.

Назаров еще по дороге на курорт, в самолете, познакомился с неким Степаном, представившимся снабженцем с Джезказганского металлургического комбината, как и он, направленным родным предприятием на отдых в Сочи. Вдвоем они благополучно долетели до курорта, а в аэропорту поймали такси, на котором собирались доехать до города. Поскольку Назаров впервые приехал к морю и всему, что видел, не переставал удивляться, ему и в голову не могла прийти мысль, что эти благодатные места могут таить для него серьезную опасность. И что его доброжелательный попутчик не кто иной, как профессиональный карточный шулер, который только и ждет момента, чтобы поймать в свои сети оче-

редную доверчивую жертву.

Тем временем события развивались стремительно. На выезде из города водитель такси подсадил в машину еще одного попутчика – мужика в кирзовых сапогах, представившегося колхозником. Едва машина тронулась, Степан предложил скоротать время за игрой в карты: дескать, появилась такая новая игра, как «японское танго», которая легко усваивается каждым начинающим. И объяснил: каждому игроку – по 3 карты. Каждая картинка – 10 очков. Сошлись по масти – 30 очков. Выше может быть только 31 очко. Да и то если туз нужной масти привалит везунчику. При этом Степан предложил начать играть по мелочи – с копейки.

Назаров, который пока не догадывался, что, как кур в ощип, попал в компанию хищников – профессиональных карточных шулеров (Степан, «колхозник» и шофер были одна шайка-лейка), – с радостью согласился постичь азы новой игры. Как и положено, в первом же раунде ему подфартило – привалило аж 29 очков. А со второго раунда, когда ставки резко возросли, ему в копилку «свалились» аж 9 рублей. Короче, вскоре он уже поверил в свою чрезмерную везучесть и позволил втянуть себя в игру, что называется, по уши. В итоге перед самым подъездом к городу Степан, который в начале игры старательно разыгрывал из себя лоха, выиграл у ракетчика 1750 рублей, то есть почти все его отпускные и сбережения за три года. И пока Назаров приходил в себя от произошедшего, победитель скоренько сгреб все деньги

себе в карман, сунул водителю три червонца и выскочил из машины на первом же повороте.

Проиграв почти все деньги, Назаров в тот же день отправил жене телеграмму, чтобы та выслала ему денег. Вскоре на его имя пришло 120 рублей, которые позволили ему жить в Сочи, правда особенно не шикуя. Однако все это время ракетчика продолжали терзать смутные подозрения на счет честности его проигрыша. Наконец ему в голову пришла простая мысль: отправиться в пансионат «Металлург» и проверить, отдыхает ли там работник Джезказганского металлургического комбината Степан, который выиграл у него все его отпускные. Этот поход подтвердил самые плохие предчувствия ракетчика – никакого Степана в пансионате не было. И вот тут в офицере взыграла его профессиональная гордость: дескать, как же я могу позволить этим шулерам безнаказанно тратить мои кровно заработанные деньги?! И отправился Назаров искать своих обидчиков.

Как это ни удивительно, но нашел он их чуть ли не с первого захода. Приехав в сочинский аэропорт, Назаров сразу разглядел в толпе Степана, который на этот раз уже отирался возле узбека со звездой Героя Соцтруда на пиджаке. А чуть поодаль прогревал двигатель своей «таксюшки» тот же самый водитель, что вез и его в тот злополучный день. Не было только «колхозника», поскольку его задача заключалась в том, чтобы подсесть в машину на повороте из аэропорта.

Между тем именно его и решил «выбить из игры» Наза-

ров. Тот наверняка стоял на своем посту один, и скрутить его для бывалого офицера не составило бы особого труда. Однако на самом подходе к месту его дислокации случилось неожиданное: откуда-то сбоку вышли двое дюжих мужиков и, профессионально заломив Назарову руки, поволокли его в сторону от сиротливо маячившего в стороне «колхозника».

Как оказалось, нападавшими были… оперативники местного уголовного розыска. Они давно «пасли» шайку Степана, и появление разгневанного ракетчика могло поломать им все планы. Когда Назаров это понял, он с большой охотой вызвался помочь стражам порядка вывести шулеров на чистую воду, то бишь дать против них свидетельские показания. Спустя полчаса он уже сидел в уголовке и опознавал по тамошней картотеке своих обидчиков. Когда он ткнул пальцем в фотографию «колхозника», начальник угро сообщил, что это не кто иной, как известный карточный аферист Бабларьян по кличке Пиндос.

Милицейская операция развивалась по всем канонам оперативной науки. Сразу несколько групп наружного наблюдения «пасли» картежников и фиксировали на пленку практически каждый их шаг. Длиннофокусная оптика однажды даже сумела достать крупным планом передачу денег бригадиру шулеров. Однако это была косвенная улика, а, чтобы разоблачить аферистов, требовался убойный компромат вроде задержания всей шайки во время игры в карты в автомобиле. Такую операцию сыщики решили провести **17 декабря**.

События в тот день развивались следующим образом.

С утра один из шулеров «заарканил» доверчивого клиента в аэропорту, усадил его в такси и повез в город. По дороге в таксюшку запрыгнул «колхозник» Пиндос. Все шло как нельзя лучше, и сидящие на хвосте у шулеров сыщики сообщили об этом по рации своим коллегам, сидящим в засаде. На одном из участков трассы, сразу после пансионата «Рыбак Заполярья», была дана команда взять шулеров в клещи. Такси прижали к обочине, и стражи порядка молниеносно открыли ее дверцы. Но то, что они там увидели, повергло их в замешательство. На чемоданчике Пиндоса, застеленном главной газетой страны «Правда», лежала не колода карт, а… крупно нарезанная чайная колбаса, стояли походные стопочки из пластика и фляжка с коньяком.

Как оказалось, шулера еще на выезде из аэропорта засекли за собою «хвост», поэтому и решили разыграть соответствующий спектакль. Однако избежать наказания хитрым шулерам все равно не удалось. Спустя некоторое время сыщикам все-таки удалось расколоть одного из участников шайки – таксиста, который оказался обижен своим маленьким кушем и поэтому первым стал топить своих подельников. В итоге Пиндос и еще один шулер получили по 6 лет тюрьмы, а таксист отделался четырьмя годами заключения.

Мошенники от лотереи

Следующий рассказ еще об одной категории мошенников, которые действовали в советские годы, а теперь исчезли: о преступниках, подделывающих билеты денежно-вещевой лотереи. Эта лотерея пользовалась большой популярностью у населения, поскольку была дешевой (билет стоил 30 копеек), но предполагала достаточно существенные выигрыши, как в деньгах (до 10 тысяч рублей), так и в предметах, причем не только полезных в быту (вроде стиральных машин или холодильников), но и относящихся к атрибутам роскоши (вроде автомобилей). Именно этим ажиотажем вокруг лотереи и пользовались мошенники. Одна из таких шаек появилась в начале **1969 года** в Ленинграде и состояла из восьми человек. Возглавлял ее некто Гурский, который являлся главным разработчиком мошенничества. Схема эта выглядела следующим образом.

Мошенники подделывали лотерейные билеты путем вытравления первоначальных обозначений номеров и серий и нанесения вместо них других. Причем подделывались исключительно те билеты, где в качестве выигрыша значился самый престижный в СССР автомобиль «Волга». На него всегда был спрос, особенно в республиках Закавказья и Средней Азии. Вот на граждан этих регионов мошенники в основном и ориентировались.

Между тем была в действиях мошенников еще одна особенность – их билеты никогда не доходили до сберегательных касс. Дело в том, что случись подобное, и их вина сразу бы усугублялась, поскольку при таком раскладе умысел преступников направлялся на причинение ущерба кредитным учреждениям, то есть государству. А так они обманывали исключительно граждан, за что срок светил гораздо меньший. И действовал Гурский весьма незамысловато. Продавая билет, он под разными предлогами узнавал у покупателя его адрес и сразу после розыгрыша тиража посылал «счастливчику» телеграмму (в отдельных случаях звонил, если узнавал телефон), где предупреждал, что билет ему продали поддельный.

Эта шайка функционировала больше года, обманув таким образом десятки граждан и завладев деньгами в размере почти 100 тысяч рублей.

Коммунальная трагедия

19 декабря в Ленинграде средь бела дня в одном из домов в Калининском районе произошло убийство: 65-летний Гаврила Петрович Пушков зарубил топором свою жену, 62-летнюю Прасковью Никитичну Мамонову. Убийство подпадало под разряд бытовых и практически не представляло никаких сложностей для тамошних оперов. Убивец в порыве гнева нанес своей благоверной 15 ударов топором, после чего попытался покончить с собой, но сделал это весьма неудачно – только рассек обухом кожу на лбу. После чего самолично вызвал по телефону «Скорую помощь» и милицию. Дело не обещало никаких сенсаций и должно было закончиться суровым приговором убийце. Но получилось совершенно иное. Как поведал следователю сам Пушков, убил он свою благоверную по заслугам. Хотя поначалу ничто не предвещало такого жуткого развития событий.

Познакомившись с Прасковьей 1 мая этого года на демонстрации, Пушков вскоре сделал ей предложение. 12 октября они сочетались узами брака, после чего Прасковья переехала жить к мужу – в его холостяцкую комнатушку в коммуналке. И уже спустя несколько дней муж стал замечать за женой странные вещи. Например, уходя в туалет по большой нужде, Прасковья брала с собой газету, но никогда не оставляла неиспользованную часть ее на общем гвозде. Когда же муж

поинтересовался, почему она так поступает, та раздраженно ответила: «Буду я за спасибо снабжать соседские жопы нашей бумагой!»

Дальше – больше. Однажды Пушков застал жену за вопиющим занятием: открыв соседскую кастрюлю с супом, та… смачно в нее плевала. Пушкова это возмутило до глубины души. Он столько лет прожил с этими соседями, ничего худого от них за все эти годы не знал, а его законная супруга поступала с ними таким низким образом. Но, поскольку Пушков никогда рукоприкладством не занимался, он лишь сделал супруге словесное внушение. А та ответила ему отборной бранью: мол, молчи, старый хрыч, а то вылетишь из моей квартиры к чертовой матери! Здесь стоит сообщить, что Пушков по простоте душевной прописал жену на свою жилплощадь и даже перечислил все свои деньги на ее сберкнижку. И теперь она чувствовала себя в доме полновластной хозяйкой. В итоге за два месяца семейной жизни Прасковья так достала мужа своим мерзопакостным характером, что он иной раз даже домой не хотел возвращаться с работы. Трагедия назревала.

В тот роковой день **19 декабря** Пушков вернулся домой с ночного дежурства крайне уставшим. Единственной его мечтой было до-браться до кровати и зарыться головой в подушку. Но не тут-то было. Оказалось, что Прасковьи на месте нет: она ушла в магазин, хотя прекрасно знала о времени прихода мужа с работы и что единственные ключи от квар-

тиры есть только у нее. В итоге вместо теплой постели Пушков битый час просидел на табуретке в холодном подъезде. Но его мучения на этом не закончились. Когда жена все-таки объявилась и позволила ему войти в квартиру, спать ему все равно не довелось. Сначала Прасковья нарочно топала по комнате, мешая ему уснуть, а потом и вовсе обнаглела – открыла нараспашку форточку над кроватью: мол, пусть квартира проветрится. А когда Пушков закрыл форточку, она набросилась на мужа с грязной руганью. И тогда нервы мужика не выдержали: он схватил топор и… Дальнейшее известно.

Суд над Пушковым состоялся **21 февраля 1971 года** в том же Ленинграде. Убивцу светило 10 лет тюрьмы, однако следствие обнаружило факты, мягко говоря, плохого поведения покойной, после чего Пушков из безжалостного убийцы превратился в глазах судей чуть ли не в жертву. Например, удалось установить, что еще в конце 30-х годов первого мужа убиенной упекли за решетку по анонимному доносу, который, судя по всему, написала сама Прасковья. А когда спустя 8 лет муж вернулся домой, жена окружила его такой «заботой», что тот через год повесился на чердаке, оставив короткую предсмертную записку, где написал: «Пропади оно все пропадом!» Короче, на основании этих, а также других фактов суд освободил Пушкова от уголовной ответственности прямо в зале заседаний. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Однако спустя две недели после освобождения Пушков внезапно умер от инфаркта. Соседи покойного

после этого долго еще сокрушались: не иначе Прасковья с того света достала.

Зачинатели советского рэкета

Огромным достижением советской власти было то, что в стране долгое время не было организованной преступности. Для ее возникновения просто не было почвы – рыночных отношений. Однако с конца 60-х ситуация стала меняться. Тогда в СССР проводилась так называемая «косыгинская» реформа (или реформа Либермана), которая ставила целью внести в плановую советскую экономику отдельные элементы рыночной экономики (в частности, такой элемент, как хозрасчет). Эксперимент поначалу удался, о чем наглядно свидетельствовали результаты пятилетки **1966–1970 годов** (одной из самых эффективных в советской истории). Однако потом началась пробуксовка, связанная с побочными эффектами эксперимента. Вот что пишет экономист С. Ткачев: «Руководители страны не поняли, что полный хозрасчет, на который переводили предприятия, без государственного планового регулирования, отодвинутого на задний план, по сути своей – тот же свободный рынок. И никакими административными мерами невозможно остановить его чисто экономическое разрушительное действие. Не поняв главного, они все больше ориентировались на замену „видимой руки“ государства „невидимой рукой“ рынка. На Западе параллельно шел противоположный процесс: рыночные рычаги, доведенные там до совершенства и, казалось

бы, больше всего отвечающие капиталистической экономике, заменялись государственными… Реформы в экономике СССР были проведены вопреки коммунистической идеологии и теории социалистического строительства, на верность которым присягало руководство страны. С позиций политэкономических они означали не что иное, как попытку „подправить“ социализм капитализмом – причем теми его компонентами, которые из-за своей разрушительности в капиталистическом мире заменили на исконно социалистические. Так началась сдача самой эффективной и самой справедливой в истории человечества общественно-политической системы…»

Об этом же пишет и другой исследователь, С. Кугушев: «Одной из причин распада СССР стал крах потребительской модели советского общества, выбранной еще XXI съездом КПСС в **1961 году** и воплощенной в жизнь после «косыгинских» реформ в конце 60-х. Эта модель предполагала все бóльшую ориентацию на стандарты, свойственные западному обществу, где потребление ставится выше труда, материальное имеет приоритет над духовным, а удовлетворение потребностей, безусловно, главенствует над реализацией способностей. Как только эта потребительская модель была взята на вооружение руководством СССР, исход противоборства капитализма с социализмом был предрешен. Капитализм обладал и обладает гораздо более обширной ресурсной базой и гораздо дальше продвинут на технологиче-

ском уровне индустриального типа. И соответственно обладает неустранимыми преимуществами в соревновании систем. Но главное даже не в этом. Капитализму потребительская модель внутренне присуща. Тогда как социализм внутренне предполагает другую, базирующуюся на справедливости, добре и взаимопомощи систему ценностей.

СССР, подточенный неполадками в собственной экономике, помноженными на сужающуюся ресурсную базу, не смог удовлетворить потребительские ожидания советского общества, пережив сначала кризис недоверия населения к власти, а затем и глубочайший политический кризис, что и привело к развалу государства…»

Развал СССР, как мы помним, произошел в конце 80-х, однако предпосылки этого закладывались еще в 60-х, когда советская экономика взяла курс на потребительскую модель. Эта модель вызвала изменения и в преступном мире, когда на свет стали появляться бандформирования, которые начали «крышевать» новоявленных «красных бужуев», так называемых цеховиков – то есть организаторов подпольных цехов по выпуску разного рода дефицитного товара. Стоит отметить, что именно во второй половине 60-х подпольные цеха стали расти в СССР, как грибы после дождя. И если раньше с цеховиками власть разбиралась достаточно строго (сажала их в тюрьму на длительные сроки, а иных и вовсе расстреливала), то теперь, с началом «косыгинских» реформ, к ним «наверху» стали относиться более снисходительно. А в

иных советских республиках (например, в закавказских) они и вовсе ходили в королях, заручившись поддержкой не только на самом «верху» (в партийных органах), но и «внизу» (в преступной среде). Именно эта смычка (или тройственный союз) и стала той питательной средой, которая взрастила в СССР организованную преступность. А у истоков ее стоял вор в законе Анатолий Черкасов по кличке Черкас, который разработал новую концепцию воровского существования. Суть ее заключалась в следующем.

В связи с тем что власть тогда явно ужесточила систему уголовного наказания и режим содержания в тюрьмах, перед авторитетами преступного мира встала проблема «отсидки». Раньше существовала система взаимопроверок («ломка»), когда ворам в законе вменялось в обязанность раз в полгода (потом раз в три года) садиться в тюрьму. Теперь подобное положение должно было измениться. Но так как «ломку» пока никто не отменял, кое-кто из воров, тот же Черкасов, пришел к мнению: чтобы не попасться, надо грабить прежде всего тех, кто не заявит. Под эту категорию попадали прежде всего цеховики, наркоманы, проститутки и т. д., то есть те, у кого рыльце в пушку. Однако, развивая свою концепцию дальше, А. Черкасов учил – грабить подобную категорию лиц надо с умом, оставляя потерпевшему на жизнь и не доводя его до отчаяния (такой может и в милицию заявить). Но, самое главное, идя на дело, надо всегда иметь над собой хорошую «крышу» в лице кого-нибудь из среды высо-

копоставленных чиновников или представителей правоохранительных органов.

Пройдет совсем немного времени, и подобные идеи овладеют умами всех авторитетов уголовного мира страны. Вот тогда-то, в начале 70-х, и произойдет трансформация ордена воров в законе. В Киеве будет собрана представительная сходка, на которой в повестку дня встанет основной вопрос о том, как выжить в новых условиях. После продолжительных дебатов было решено внести в воровской «кодекс законов» существенные изменения. Отныне в связи с тем что за некоторые преступления – в частности, за карманную кражу – будут давать большие сроки, среди воров отменили такую норму, как «ломка». Далее, в связи с тем, что в начале 70-х условия в советских тюрьмах сильно ужесточились, сходка постановила разрешить ворам в законе по возможности вообще не садиться и не запрещала «невинные» контакты с работниками милиции. Если, к примеру, вор в законе попадал в тюрьму, ему отныне разрешалось давать администрации ИТУ подписку, при этом звание вора в законе с него за это не снималось.

Эта сходка в Киеве будет иметь поистине историческое значение для преступного мира страны и станет наглядным подтверждением того, что на смену «идейным» ворам приходит новое, молодое поколение. И это новое поколение воров в законе в скором времени возьмет реванш у властей за позор и унижение своей группировки в конце 50-х – начале

60-х годов. В те годы власть, либерализовав режим заключения, сумела отвадить от уголовного мира многие тысячи людей, лишив профессиональных преступников той массы заключенных, из которой они черпали свои нескончаемые ресурсы. Нынешняя власть, власть 70-х, не нашла ничего лучшего в борьбе с преступностью, как ужесточить до крайности режим заключения.

Гений Сталина в том и заключался, что, создав систему ГУЛАГа, он смог «грамотно», как истинный создатель и хозяин, этой системой управлять. Хрущев и Брежнев, не обладая подобной гениальностью и проводя политику «ни рыба ни мясо», лишь наплодили новых преступников и способствовали дальнейшей криминализации общества. С начала принятия нового уголовного законодательства в **1969 году** в стране постепенно начнет увеличиваться число осужденных за различные преступления. За 30 последующих лет их число возрастает до 24 миллионов, причем треть из них, попав первый раз в тюрьму, встанет затем на путь рецидива.

Однако вернемся на несколько лет назад, в конец 60-х, и вспомним все того же Анатолия Черкасова по кличке Черкас. Явив свету свою простую, как и все гениальное, концепцию, он сумел найти и тех, кто с удовольствием согласился претворить ее в жизнь. Как и положено, первопроходцем в этом деле была столица СССР – город Москва.

В начале 70-х вся злачная жизнь главного города страны концентрировалась в центре, и для того чтобы контролиро-

вать эту часть мегаполиса, хватало сил одной группировки. Этой группировкой была «бауманская», и создавалась она еще в 60-х под патронажем воров в законе (совместно с бригадами из Днепропетровска, Тбилиси и Киева «бауманцы» контролировали и окраины, в частности аэропорт «Внуково»). Сам я родился и вырос именно в Бауманском районе и хорошо помню разговоры старших пацанов о том, «как бауманские начистили рыло тем-то, кинули ментов там-то».

Большим подспорьем в деятельности этой группировки было то, что именно в Бауманском районе (на Большой Почтовой улице) в 60-е годы воздвигли дома для многодетных семей. Когда через несколько лет эти дети подросли, многие из них встали под знамена бауманских, сразу увеличив численность группировки на несколько десятков человек. Если учитывать, что почти все эти ребята были записаны в секции борьбы или бокса (я сам около года ходил на классическую борьбу в церквушку недалеко от метро «Бауманская»), то можно себе представить, какая серьезная сила была у бауманских. Кстати, и знаменитая банда Геннадия Карькова (родился в **1930 году**) по прозвищу Монгол имела свою штаб-квартиру именно на Большой Почтовой улице. Но об этом стоит рассказать подробно.

Банда Монгола появилась на свет в **1969 году**, после того как Карьков, отсидев три года на зоне за кражу, приехал за лучшей долей в Москву (сам он был уроженцем Калужской области). Здесь он быстро сколотил себе банду из двадцати

с лишним человек, костяк которой состоял из матерых рецидивистов. К примеру, один из бандитов, по прозвищу Косой, имел за плечами восемь (!) судимостей, другой – Сиська – пять, Муха – четыре, Жора, Галка, Миха – по три. Банда Монгола стала первым бандформированием, кто взял на во-оружение теорию Черкаса – то есть промышляла элементарным рэкетом, причем в жертвах у них ходили те, у кого рыльце было в пушку: цеховики, наркоторговцы, скупщики-барыги, жулики-бармены, валютчики и т. д.

Для осуществления своих операций бандиты обзавелись двумя «Волгами» и грузовиком, включив в состав группировки двух таксистов и шофера ремстройконторы (кличка Золотой). Кроме этого, бандиты купили по знакомству две формы МВД – зеленую и милицейскую, после чего раздобыли и необходимые под эту форму документы. Последняя операция не заняла много времени. Бандиты познакомились на улице с сотрудником 128-го отделения милиции (обслуживало район Тушино) и уговорили его выпить на брудершафт в ресторане гостиницы «Северная». Там они незаметно подсыпали милиционеру в стакан с водкой снотворное и, когда он вырубился, похитили у него документы. В наши дни бандитам не понадобилось бы проводить столь рискованную операцию – любую форму, как и любые документы, можно без проблем купить на развалах Старого Арбата. То есть сегодня преступникам созданы все условия для того, чтобы они лишний раз не ломали голову над всякими пустяками.

Но вернемся к банде Монгола.

Блатхату на Большой Почтовой «монголы» заимели следующим образом. Один из бандитов познакомился у ресторана «Узбекистан» с 20-летней красоткой по имени Таня, которая специализировалась на торговле морфием. Бандит привлек ее к делам банды, наградив кличкой Плутиха. Таня, как догадался читатель, жила как раз на Почтовой. Именно Плутиха стала наводчиком банды в наркосреде столицы. В итоге благодаря ее стараниям в **сентябре 1970 года** в поле зрения банды попала очередная жертва – некая Фатима, снабжавшая наркотиками весь центр столицы.

Стоит отметить, что наркомания в СССР хоть и существовала, но это была не та наркомания, что процветает нынче в России и на просторах бывших советских республик. Советские наркоманы начала 70-х представляли собой немногочисленную армию в отличие, к примеру, от армии алкоголиков, которых в стране насчитывалось в сотни раз больше. Наркоманы тех лет в основном «сидели» на морфине (героин в СССР впервые появился в самом начале 80-х, кокаин еще позже), который либо поставлялся из Средней Азии, либо доставался через сеть аптек (то есть в лекарствах). Среди республик СССР самой продвинутой по части потребления наркотиков была Грузия, где еще в **1967 году** была создана специальная комиссия по изучению этой проблемы. Что касается России, то здесь наркоманов было значительно меньше, причем львиная доля их проживала в городах. И нарко-

тиками их чаще всего снабжали именно такие люди, как упомянутая Фатима.

Фатима была прописана в Узбекистане, однако периодически наезжала в Москву, где скидывала товар и собирала деньги с клиентов. Плутиха подсказала подельникам, как лучше всего выйти на след Фатимы – через ее постоянного клиента Минаева. Так и сделали. В один из сентябрьских дней бандиты числом в четыре человека во главе с самим главарем, который сидел за рулем «Волги», подъехали к дому № 26 по Байкальской улице, где проживал Минаев. Двое «монголов» поднялись к нужной квартире и подали сигнал хозяину, мол, свои (стукнули в дверь условной дробью). Тот, естественно, купился. Не успел Минаев опомниться, как его подхватили под руки и быстренько спустили вниз, к машине. Там переодетый в форму майора внутренней службы бандит распахнул перед ним дверцу и попросил не сопротивляться: мол, сопротивление властям чревато плохими последствиями. Минаев поверил и в этот спектакль – безропотно сел в автомобиль.

Первые сомнения шевельнулись в Минаеве в тот момент, когда «Волга» миновала черту города. Но было уже поздно. В безлюдном месте бандиты выволокли жертву из машины и принялись избивать, требуя выдать им деньги, ценности и наркотики, а также сообщить адрес Фатимы. Но Минаев оказался крепким орешком и с первого раза не сломался. Тогда кто-то из «монголов» предложил отвезти его в свою дерев-

ню Маклино, что в Калужской области, и там основательно с ним поработать. Однако везти жертву на «Волге» было опасно, поэтому решили подогнать грузовик. За ним съездил Золотой. Когда Минаев забрался в кузов, он увидел там деревянный ящик. Он уже собирался на него сесть, когда кто-то из бандитов, скривив лицо в подозрительной ухмылке, произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.